

18+

Роман Веселковский

ВЕГЕТАРИАНЕЦ

Юмор. Ирония. Сатира. Сборник
рассказов

Роман Веселков

**Вегетарианец. Юмор. Ирония.
Сатира. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Веселков Р.

Вегетарианец. Юмор. Ирония. Сатира. Сборник рассказов /
Р. Веселков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859533-2

Книга, несомненно, будет интересна любителям небольших произведений. А уж если Вам нравятся полновесные юмористические и иронические рассказы, и если Вы понимаете и любите такие редкие нынче жанры, как сарказм и сатира, то эта книга точно для Вас!

ISBN 978-5-44-859533-2

© Веселков Р.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
РАССКАЗЫ	7
РОЯЛЬ	7
НЕНАУЧНАЯ ИСТОРИЯ ИЛИ КАК СЛОН СТАЛ СЛОНОМ	9
РАЦИОНАЛИЗАТОР	12
БОРОДА	16
ЗНАКОМСТВО ПО ИНТЕРНЕТУ	19
ТЁРКИ	22
ФОТОГРАФИЯ	26
ТРУБКА МИРА	28
СВЕТОФОР	33
В ТРЕНДЕ	34
ОБРАЩЕНИЕ К ПИСАТЕЛЮ	38
БУНКЕР	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вегетарианец Юмор. Ирония. Сатира. Сборник рассказов

Роман Веселковский

© Роман Веселковский, 2020

ISBN 978-5-4485-9533-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дабы не водить читателя тернистыми тропами извилистого сюжета, по бурелому разного рода событий, по всяческим там буеракам взаимоотношений и болотам характеров (попробуй без бутылки разберись со всей этой мешаниной), в этой книге вместо повести представлены рассказы, чтобы время на отдых оставалось и печень не увеличивалась. Что касается ингредиентов данного продукта под названием «книга», то здесь всё без обмана, в соответствии с этикеткой. С одной стороны надкусил, – пожалуйста: получайте необходимые для хорошего настроения витамины «юмор» и «ирония», с другой стороны укусил – редкая нынче, но не менее полезная для работы мозга субстанция, именуемая «сатирой», чистое здоровье, выходит, а не продукция. В конце немного десерта под названием «Нанокапустник». Некоторые могут подумать, что это маленький сборник стихов (тоже мне, сборник рассказов! – пожалуется кто-то). Не пугайтесь! Поэзии там не больше, чем в сапоге, зато присутствует приличная, весьма разнообразная палитра весёлых сюжетов. Итак, располагаемся поудобнее... поехали!

РАССКАЗЫ

РОЯЛЬ

- Хозяин, тут это, суть какая... – не лезет ни шиша.
- Кто не лезет?
- Пианина твоя не лезет.
- Рояль.
- Пушчай рояль, – охотно согласился грузчик, – все равно не лезет.
- ??? И чего с ней делать? То есть с ним? – Расстроился Сушкин.
- С дверью или с проемом?
- С роялем.
- Я б херакнул – и дело с концом! – Грузчик устало поскоблил полировку, и с надеждой на понимание посмотрел на хозяина.
- Так занесли ж почти ж. На пятый этаж затащили, осталось-то чуть-чуть, – с просьбой в голосе уговаривал Сушкин.
- Я с разгону занесу, мне что, – грузчик ухмыльнулся и подмигнул скучающим напарникам, – только плохо получится.
- А сколько не лезет-то?
- Сантимов пять.
- Всего пять сантиметров? – Почему-то обрадовался Сушкин.
- А что, мало что ли? – Удивился грузчик. – Мне чего, проем металлический новый, пианина ваша деревянная старая. Либо дверь с косяком выскабливать, либо пианину образмерить.
- Рояль.
- Пушчай рояль, – снова согласился грузчик.
- Это как же ж так, образмерить, – опешил Сушкин.
- Как-как, – со знанием дела объяснял грузчик, – минус пять сантиметров – херак-с и готово!
- Это как же пять? Это с какой же стороны пять? – Разволновался Сушкин.
- А мне по барабану. С какой скажете. Какая сторона менее нужная, ту и чикнем, доплатить только надобно за разгон.
- Это где же у пианино... тьфу! у рояля ненужная сторона, а? – Занервничал Сушкин.
- А я знаю? Я грузчик, а не музыкант. Был бы музыкантом – ответил бы.
- То есть... как ответили бы? Ответили бы, где ненужное? – не унимался Сушкин.
- А чего там, и ответил бы, не со всех же сторон по ней брякать.
- Фу-у, чего-то я приморился, – тяжело вздохнул взопревший от волнения Сушкин и промокнул рукавом испарину на лбу. – Что же делать?
- Я же говорю, на балкон выйти – и херакнуть.
- Я музыку люблю. – Не сдавался Сушкин.
- Ну и пожалуйста! Зачем обязательно с роялем? Её любить, к примеру, с гитарой можно или ещё лучше с наушниками – включил себе – и наслаждаешься. И струны целы и пальцы. И усираться не надо.
- Всего пять сантиметров, пять сантиметров, – тихо причитал Сушкин, будто это простое заклинание было в силах помочь в сложившейся ситуации. Он длинными пальцами мерил габариты рояля, сверяя их тем же методом с шириной и высотой дверного проёма и часто вздыхал.

– Пять сантиметров проблемы не решит, – подал голос грузчик. – Даже если здесь пять сантимов почиаем, то потом в квартире, – а она у Вас живопырка ещё та, – эта жлыга, – он похлопал широкой ладонью по крышке инструмента, – метра три-четыре квадратных займет. Ну ладно, минус пять сантимов по ненужному краю...

От словосочетания «ненужный край» Сушкин расстроился ещё больше и даже по актёрски закатил глаза.

– Да говорю ж, я музыку люблю, – просящим тоном снова объяснил он.

– Опять та же песня! – Искренне огорчился грузчик, – людям как лучше желаешь, а они артачатся. – С балкона: р-раз – и с чистой совестью хоть гитару, хоть балалайку, а хошь, вообще губную гармошку наявивай или всех вместе одновременно дрючь!

– Ставьте на лифтовой площадке! – Упрямылся Сушкин. – По частям занесу!

Целый месяц с лифтовой площадки пятого этажа лилась негромкая мелодичная музыка. И даже соседи Сушкина не были против музыки. Никто грубого слова не сказал, не матюгнул ни разу, даже на полировке никто ничего непотребного не нашкрябал, что значит, культурные люди подобрались. Молодежь заходить начала, к музыке тянуться... правда, когда рояль уже не так чтобы играл, но это не важно. Что интересно, соседи Сушкина высказывались против увлечения молодежи музыкой в районе ставшего общественным рояля. И лишь дворник тетя Маша ругалась внятно и членораздельно: наставили, мол, тут мёбели, навываскивали, а выбрасывай дядя Вася!

Вот только аккуратно через месяц рояль начал откровенно до неприличия фальшивить, местами отчетливо хрипеть и плотно шмонить застарелым табачком сорта б/у. Набросанные под крышку юркие хабарики делали своё дело. Маленьким, вонючим, несознательным, им было не до музыки. А однажды до того распоясались, что пришлось вызывать пожарную машину. Это обстоятельство чрезвычайно расстроило Сушкина и заметно подкосило на бок общественный инструмент, отчего тот стал похож на искореженного профессионально обжаренного деревянного робота-инвалида, вернувшегося из горячей точки.

Соседи, в отличие от Сушкина, особых эмоций по этому поводу не выказывали, предпочитая, видимо, хранить их в себе. Но и оставлять Сушкина наедине с плохо выглядящим роялем они не стали. Равнодушие – плохое качество, тем более недостойное хороших соседей. А хорошие соседи взяли, скинулись, купили два литра беленькой здоровьяку Петровичу с третьего этажа, да от себя ещё добавил Петровичу один литрович Сушкин. И душевный Петрович за два часа с каким-то своим очень положительным знакомым всё это скособоченное уродство, бывшее совсем недавно роялем, на помойку определил, аккуратно, без шума, как говорится, и пыли. Мало того, ввиду хорошего настроения, он припёр Сушкину пусть и не новую, зато ещё играющую гитару. После чего Петрович с его товарищем и Сушкин почти до ночи проверяли качество подарка и всё это, соответственно, не насухо, а с протиркой для струн.

Так что, история с не въездным роялем закончилась в хороших добрых традициях, в обстановке дружбы и взаимопонимания. И история эта в очередной раз подтвердила, что счастье не в каком-то там рояле или пианино, или даже, пускай, балалайке, а в людях. Добрых, хороших и отзывчивых.

2013г.

НЕНАУЧНАЯ ИСТОРИЯ ИЛИ КАК СЛОН СТАЛ СЛОНОМ

Давно это было. Так давно, что никто и не знает, насколько давно. Известно только, что в Африке. Солнце тогда было жаркое-жаркое, близкое-близкое, не такая пуговица, как сейчас, а чисто плоская в небе жёлтая висела. И жара была качественная. И слон жил чёрный-чёрный, загорелый-загорелый, совсем не такой, как нынче. И жираф тоже неподалеку слонялся, загорелый сильно, – чернуший как уголь. И баобаб стоял одинокий. Высокий-высокий, аж до неба. Толстый-толстый, толще, чем слон. И случилось всё это тогда, когда афроамериканцы ещё не были американцами, а были просто неграми... Хотя нет, я что-то путаю, ни афроамериканцев, ни негров тогда не было, это точно! Зато были пчёлы, которые жили на том самом баобабе, который стоял высокий и жутко одинокий. Стоп-стоп! Вру. Одиноким, выходит, он не был, потому как пчёлы роились и плодились там, на верхотуре так динамично, что было тому баобабу не до скуки и одиночества. Кстати, какого цвета пчёлы были, досконально пока не известно, но, по всему виду, тоже подкопчённые. Солнцу, ему же плевать, пчела ты или жираф, к примеру, или вовсе слон, – как раскопчегарится, загорать начнут все без разбору, невзирая на породы, морды, жала, хвосты и крылья.

Так вот, надоело как-то вышеупомянутому чёрному слону под землей рыскать и разную неясность в темноте жрать, а самое время настало передохнуть, соответственно. А надо заметить, что видок у слона тогда был будьте-нате! Прямо-таки отвратительный видок! Глазки и ушки – маленькие: в глазки чтоб земля не набивалась, а ушки – чтобы за коренья не цеплялись. Хобот, который приличный, он вроде такой же был, как и сейчас – что надо! Им он назад за себя землю пропихивал. Зато когти не стриженные на лапах – чтобы землю африканскую вовнутрь скоблить – по полметра, чисто хищник, а не хоботоносое травоядное! Кстати, а может, он от земли такой чёрный был, а не от солнца? – Это и захочешь, теперь не узнаешь. В общем, выкарабкался однажды слон на свет божий и решил передохнуть на солнышке под баобабом, погреться, так сказать.

На бок – кувырк. Хобот вверх задрал, когти веером разложил, переваривает и ванны солнечные принимает заодно. Вдруг сверху что-то на хобот – чпок! Липкость тягучая. Пробует. Сладкая вкусность. Совсем не то, что там, под землей произрастает, интересный такой, совсем новый продукт. Ну, думает слон, нормальный ход! Это какого же я рожна таким барахлом питаюсь, в недрах, можно сказать, копошусь без устали, света белого не вижу, когда там, сверху такая вкусность нереальная произрастает. Да еще её и так много, по-видимому, наверху, такой ее переизбыток полнейший ощущается, что она там удерживается перестала и вниз валиться начала...

Облизнулся, голову задрал, смотрит. А чего там увидишь? Солнце высоко, почти в зените, так, чутка только в сторону съехало. А дерево аж в небо врезается, высоченное, зараза. Чего в тех верхах творится, и не угадаешь сразу. Посмотрел-поглядел слон, поизучал манящие сладкой жизнью перспективы, когти о кору подрал для разминки и вверх двинул. Вы, конечно, можете спросить, какого лешего вверх за сладкой липкостью слон полез, а не медведь? Но уж, извините, с вашей стороны это будет полнейшей наглостью! Поимейте совесть! Где же я вам в Африке жаркой-жаркой, да еще в середине дня медведя достану?! Медведь – это зверь в жаркой Африке дефицитный, это же вам не крокодил с баобабом наперевес! К тому же пока он там в мехах шараться будет, как пить-дать издохнет на жаре совсем с непривычки-то. Жалко его, поэтому, хотите – верьте, хотите – нет, а только лез наверх слон. Слон и всё! Когти подточил – и вперед, точнее, вверх. Знал бы, что его ждёт, может, и не полез бы, но откуда ему знать, он же не учёный слон был, не современной породы!

Откуда ему было знать, что там где-то пчелы плодятся. Что они там мёду натаскали полное дупло, аж самим пришлось в верхнюю часть переселяться, чтобы не залипнуть основательно да не утопнуть от радости и хозяйственности чрезмерной, да так, что мёд через край уже попёр. Пчелы, надо заметить, тогда были совсем дикие, как мёд производить, ещё не догадывались, да и ни к чему это было, он сам где-то получался, сам где-то копился, они его и таскали потихоньку, другое время было, другие технологии...

Слон хрипит. Слон пыхтит. Потеет-лезет. Высоту за высотой берёт. Рекорд за рекордом бьёт, жаль зафиксировать некому. Хоботом за ветку редкую зацепится, подтянется, когтями поскоблится, посуетится, поёрзает, укрепитя, передохнёт – и дальше к победе, к сладостям. Что интересно, страху – ноль, что значит, не падал ни разу качественно! А вот уже и нора, в смысле, дупло со сладостью. Гудит чего-то в тех краях... Так и есть – мёд! Через край валит и вниз течёт да капает, густой, ароматный. Пчёлы будто не видят этого, таскают без продыху, спокойней им, видите ли, когда через край лезет... Слон непуганый медку на коре попробовал – сладенько. Когти умело заглубил, хоботом в дупло с мёдом – нырк! И сосёт помалеху. Глаза прикрыл, а сам думает, это я неплохо зашёл, славное место, сесть бы ещё на что, передохнуть толково – вообще цены бы не было местечку, жаль, все ветки далеко внизу остались...

Тут пчелы, то ли мёд устали таскать, то ли расстроились, что мёд через край валиться перестал... или слон их смутил своим нахальным, совсем, как им показалось, неприличным вытянутым органом, по-хозяйски нагло шерудящим в их вотчине, обозлились, набросились... И всё в уши норовят кусить, в уши. Уж больно они пчёлам показались подозрительно маленькими, несоизмеримо маленькими... А слон с закрытыми глазами поначалу-то ничего и не понял. Слышит, гул усилился, да вдруг по ушам как даст! От неожиданности когти сами и разжались, и не привычный к такому нерадушному приёму сладёна скоростно отчалил... Может и сошла бы ему эта вольность насчёт изъятия излишков медовых, ежели бы пчёлы в те времена мифические не торопливые были жутко.. Те хоботастые – и этот такой же конструкции, мог бы за своего сойти, в принципе, в первом-то приближении, да разбираться с подобными тонкостями те пчёлы не обучены были, дикие, одно слово!

...Как обычно бывает в подобных ситуациях, по пути вниз не встретилось ни одной толковой ветки для амортизации, так сказать, поэтому пришлось до низу так и лететь – прицельно, прямолинейно и с ускорением с неплохим...

Хотите – верьте, хотите – нет, а от такого грохота и сотрясения планета тогда с орбиты привычной съехала и солнце вместо плоски превратилось в привычную нам пуговицу. Слон, как приземлился, начал сначала синеть, потом желтеть, после чего глухо через силу кашлянул в хобот и побелел окончательно. Смотрит, когти не стриженные веками отвалились, рядом лежат – страшные, корявые, жуть! Уши – во! Как те лопухи! Из маленьких ушек в локаторы превратились, так их накусили дикие пчёлы. И тошнит. Не поймешь, от укусов, от скорости или от мёда, от обжорства, то есть. Но что факт, что мёда больше тот слон не ел. И под землёй больше не шарахался, потому как когти у него больше не выросли. Это яд пчелиный, наверное, тогда был жутко ядовитый, простите за масло масляное, очень-очень ядовитый. И уши из-за него обратно не сдулись, и слон больше не чернел. А может, не чернел он оттого, что солнце уехало в дали дальние, и загар как прежде не мог качественно зацепиться за кожу слоновую.

Но, что интересно, досталось в той канители до кучи и чёрному жирафу. Он, ленивый такой, вальяжный весь из себя, размеренной горделивой походкой неподалёку в тот момент дефилировал, когда пчёлы вниз толпой ринулись. Жираф-то их и отвлек, а то бы и всё оставшее слону понакусили бы до неузнаваемости. Смотрят пчёлы, а это что ещё за жлыга подозрительно длинная тут возле дерева ошивается, не иначе тоже на сладенькое потянуло, давай-ка, думают, ему для профилактики диабета ввалим на всякий случай! Ну, и ввалили. Почему бы не ввалить?! От такой неожиданной пчелиной заботы насчёт диабета, полинял тот жираф с такой скоростью, что чуть копыта не переломал и шею чуть не свернул. Смотрит, отвязались

вроде, паразитки! Отдышался, на ноги глянул: етишкина жизнь! – пятнеть начал! Прямо разводами так, разводами жёлтыми по равномерно укрытой чёрной с отливом жирафьей наружности пошло. И привет! Так и встало, хоть плачь, попорчена шкура. Во, яд какой! С тех пор жираф пятнисто-жёлто-черным и остался. И всё. Хочешь загорай, а хочешь мёд ешь, хотя и опасно! – всё без толку. Что характерно, вообще бедняга пострадал ни за что.

Зато пчёлы успокоились, пчёлам была полнейшая лафа, потому что ещё долго-долго белый слон и жутко пятнистый жираф обходили их баобаб стороной.

2012г.

РАЦИОНАЛИЗАТОР

Дятлов долго смотрел в раскорячившийся чертёж, не в полной мере еще осознавая, то ли он слишком умный, то ли вокруг все идиоты. Ведь если эти три элемента снять и вместо них засадить болт М10 на всю длину, то это ж «чистое здоровье» выходит, чистая прибыль. На две операции меньше при сборке, на две детали легче. Это ж если, к примеру, на сто рублей эта хреновина дешевле станет, а хреновин этих за день о-го-го! А за год! Это вам не хухры-мухры – это мухры хухры чистой воды! Премия, не иначе! Довольный собой Дятлов возбужденно задышал, оглянувшись, будто ища поддержки в нелегком деле рационализаторства, и вновь вперился глазами в чертёж. Да нет, ошибки быть не может, дело верное, рацуха чистой воды!

Во! Смотрит, Егорыч-«старожил», слесарь 6-го разряда харю давит. Все на обеде: кто в курилке воздухом дышит, кто в подсобке домино об стол наяривает, злость от работы монотонной вымещает, а этот, который Егорыч, здоровье – что значит уже его не густо, на вечер бережёт, в том плане, чтобы вечером «на ход ноги треснуть грамм пятьсот». Короче, дай, думает Дятлов, с Егорычем радостью поделюсь! В нос ему чертёж суёт, мол, зенки расчехли, зацени – рацуха, офонареть просто! А тот на бумазейку слюну пущает, и лишь бровью ведёт. А ну тебя, старпёр, рассердился Дятлов! Во, ничего себе, вот удача так удача, глядит – начальник цеха, Кроль Сергей Иванович собственной персоной шкандыбаёт. Как говорится, на ловца и зверь бежит.

– Тут это-ть, дело какое, – чуть не заикаясь, валит с плеча нервно трясущий чертежом Дятлов, – тут если вот отсюда три вынуть, а одну вот сюда вставить...

– Ты чего это, Дятлов, мозги мне в обеденный перерыв клюешь? Сам не обедаешь и других с толку сбиваешь.

От Кроля резко тянуло праздничным настроением. В подтверждение того, что с толку сбивать нехорошо, Кроль помахал закусью в мешочке в виде бутербродов перед носом Дятлова и сказал, чтобы тот шел «по домину» вмазал или «воздухом продышался» и двинул к себе. «Тебе продышаться надо, сволочь!» – огорчился Дятлов, после чего возле доминошной каким-то чудом отловил ещё говорящего Фролова. Тот здесь давно, всю кухню знает.

– Вот, – говорит Дятлов, – такое дело, тут три высунь, одну всунь, – чистое здоровье выходит! – И чертёж Фролову в рожу суёт.

Фролов хоть на ногах и не крепко стоит, но плевать ещё в состоянии, Дятлову вещает, что его, дескать, от этой шараги и от этой деталиги в частности давно уже тошнит, не искушай, говорит, – а сам в чертёж целит. Дятлов увернулся – и к Петрову. Тот единственный, судя по всему толковый, с больной печенью, правда, и вставным сердцем – кроссворд у батареи разгадывает и кроме чая с кроссвордом вприкуску к обеденному меню близко ничего не подпускает. Дятлов бумагу ему свою на кроссворд – хрясь! Отвлекись, говорит, мил человек, тут поинтересней ребус, тут три штуки детали вынёмываем, заместо этого дерьма одну, но другую всовываем, – одна экономия, вынь да положь! Петров чертёж ладонью с кроссворда счищает, в сторону так его аккуратноттодвигает и на Дятлова подозрительно косится, дескать, врезал в обед, оно и понятно – святое дело, но зачем к людям лезть, тем паче, что здесь кремень восседает, а не человек, ему чужие пьяные выходки на свою родную многострадальную печень осложнения дают.

– Да трезвый я, – орёт ему Дятлов, – и в лицо дышит.

– Тем более, – резюмирует свою точку зрения Петров, – таким как ты и пить противопоказано, ты и трезвый ведёшь себя хуже пьяного!

– Ладно, – чуть притомившись, говорит Дятлов, – хрен с тобой! Я тут новенький, две недели всего, где тут у вас главный инженер высиживает?

– Вот-вот, – завохтал Петров, – всего две недели, а уже на рожон лезешь!

– Никуда я не лезу, – обижается Дятлов, – у меня дело.

– Знаем мы эти дела...

– Ладно, Алексей Сергеич, – прервал его Дятлов, – где кабинет инженера главного, намеки и дальше себе развивайся, – Дятлов постучал пальцем по кроссворду.

– Не могу, – говорит Петров, – у меня гланды.

– Чего-чего? – удивился Дятлов.

– Чего-чего, – гланды! – Петров встал, суетливо свернул кроссворд трубочкой и рысью помчал к туалету.

– Эх его полощет, беднягу, – пожалел Петрова Дятлов, а сам начал вспоминать, в каком районе при подобном раскладе должны были находиться гланды.

Дятлов долго шатался по коридорам с чертежом наперевес. Людей почти не встречалось, как вымерли все. И тут удача прямо, Тележкин навстречу летит под парами, – из ОТК, не иначе.

– О, – хватает его за рукав Дятлов, – как тебя там Саша, Сережа, не помню, дружище, не подскажешь, где тут у вас..., у нас в заведении главный инженер располагается?

Тележкин одну руку к горлу подносит, другой из-под полы робы как контрабандист краешек туалетной бумаги высовывает, заталкивает его обратно, после чего ускоряется. Это что ещё за знак такой условный? – встает в ступор Дятлов, пытаясь разгадать ребус на основе импровизированной пантомимы, – тоже гланды как у Петрова или подступило уже вот сюда, к горлу? Дятлов пожал плечами и крикнул вслед, мол, рукой хоть махни, мил человек, ради приличия! Тот, который Тележкин, в пол оборота махнул по просьбе приличия для – и дальше «когти драть». Получилось, чисто как от мухи отмахнулся, то ли «пшёл ты со своим инженером», то ли «там твой инженер». Оно и понятно, Дятлов ещё новенький, не привыкший к местным пантомимам, с лёту не врубается. Ещё бы, с непривычки-то язык жестов не всякому сразу даётся, особенно производственно-специфический.

На втором этаже встретились две чудные барышни и подозрительная дверь с сухой надписью «Директор». Воспитанный на методе «научного тыка» Дятлов зачем-то надавил на ручку, но дверь оказалась заперта. На третьем этаже барышень не оказалось, зато оказалась дверь с той же аскетичной надписью «Директор» и старушка встретила. Дятлов удивленно тёр глаза, вперившись в надпись-клон, а старушка тем временем самозабвенно и исполнительно чуть поодаль тёрла шваброй табличку на двери с надписью «Рябченко М. Ю. Главный инженер». Хохол, судя по всему, этот Рябченко, подумал Дятлов, хоть и М.Ю. как Лермонтов.

– Скажите, а Рябченко на месте? – Поинтересовался у старушки взопревший от беготни Дятлов, обмахивая себя чертежом.

– Он в уборную вышедши. – Компетентно сообщила старушка.

Точно по предприятию эпидемия с этими гландами ходит, не иначе, – догадался Дятлов. Интересно, а откуда бабуля знает, что инженер в уборную отошедши? Хотя они всё всегда про всех знают, удивляться особо не стоит, опыт, жизнь всё-таки прожили.

– Скажите, пожалуйста, а сколько у вас директоров, – от безысходности или скуки задал тупой вопрос Дятлов, скосив взгляд на табличку «Директор».

Бабуля даже тереть «Главного инженера» перестала.

– Ты что, – говорит, – милоч, не здешний что ль? – прищурилась она, – сразу видно, не здешний, с бумажкой. Свои – они либо без бумажки совсем, либо прячут.

– Что прячут? – не понял Дятлов.

– Да один, один директор, конечно, – поспешно перевела разговор в другое русло бабуля и с двойным усердием возобновила прерванное занятие.

Прошло полчаса. Дятлов как цапля раз за разом менял опорную ногу, подпирая стену то левым плечом, то правым. Бабуля к тому моменту уже вовсю шкворила табличку «Директор». Да что он там, заснул что ли на горшке, нервничал Дятлов.

– Где тут у вас на этом этаже эта, как её... уборная то есть? – Вспомнил он.

Бабуля ткнула шваброй в конец коридора и поспешно вернулась к процессу. В конце коридора не было ни уборной, ни туалета, ни даже сортира. Мало того, и конца коридора как такового не было. Он, коридор изгибался, извивался, сужался, украшенный по краям тупичками, расширялся и тянулся дальше, дальше. Наконец повезло, обнаружилась лестница. На пролёте лежал хабарик и куча. Куча, судя по запаху, была совсем свежая. Не мудрено, поморщил нос Дятлов, мог и главный, который инженером числится, обронить. Тут пока до расположения тащишь всё это добро, обронить делать нечего! А бабуля, мало того, что дезинформирует, ведьма старая, так ещё и не там натирает. Тут самое место тереть, а не там! А то таблички она, понимаешь, шваберкой дрючит. Дятлов, спасаясь от терпкого амбре, шустро взлетел на четвёртый этаж и, вволю напутешествовавшись по бесконечному коридору, наткнулся на смешного дедулю в прелестной компании знакомых по второму этажу расчудесных намарафеченных барышень. Барышни вызывающе громко смеялись и игриво поддёргивали довольного дедулю за пиджак. Странная компания мельком посмотрела на Дятлова, просочилась в дверь с надписью «Директор» и начала хрустеть изнутри замком.

Замученный променадом Дятлов, на автомате тут же постучал в табличку. Замок на пару секунд затих, после чего, видимо, начал хрустеть в обратную сторону, ибо дверь через мгновение открылась и в узком проёме появилась недовольная физиономия старичка.

– Скажите, пожалуйста, а директор..., – промямлил Дятлов, с надеждой протягивая вперед измусоленный чертёж.

– Молодой человек, – бодрым голосом сообщил дедуля, – мне, с вашего позволения, не так много осталось, чтобы незапланированно тратить драгоценное время. К тому же у меня сейчас деловая встреча, извините.

Появившиеся из-за косяка игривые наманикюренные пальчики втянули лацкан пиджака вместе с дедулей в помещение и дверь аккуратно притворилась. Вновь потревоженный замок сухо захрустел, ознаменовав окончание разговора с Дятловым и начало деловой встречи. Резвые цокающие шаги, сопровождаемые задорным женским смехом начали удаляться куда-то вглубь.

– Старый пельмень! – обиделся Дятлов, – я ноги по жопу снашиваю по этажам, всю рационализацию уже изъездил, а эта кикимора старая резвится!

В чудом отыскавшемся корпусе «Б» был совершенно неожиданно обнаружен Кроль Сергей Иванович. Причём, что удивительней всего, в одетом виде. Не в том аспекте, что раньше начальник цеха раздетым наяривал в чем мать родила, а в том, что пальто было на нём и шляпа, что явно соответствовало намерению к дому пилить. Только что было плохо, Кроль уже не выглядел празднично, несмотря на усилившийся запах неведомого праздника, а наоборот, – смотрел насупленно и с претензией.

– Это как понимать, Дятлов? – Начальственно возопил он, – без году неделя работаешь?!...

– Две, – поправил Дятлов.

– Без году неделя, – не замечая реплики, настаивал повысивший тон Кроль, – шляешься пол дня где-то, спишь может где-то в камерке, а работай за тебя дядя Вася или вон, Егорыч? Так что ли получается? Только ты это зря так думаешь, что с рук это сойдет!

– Так я ж вот, – Дятлов, пытаясь оправдываться, беспомощно тряс мятым листом, чем-то напоминавшим чертёж, – насчет рационализации...

– С обеда до пяти рационализировал? – издевался Кроль. – И нечего этой ересью мне перед носом вертеть, слабое, весьма слабое оправдание. И уж тем более не алиби.

Кроль глубоко вздохнул и широким шагом двинулся к выходу. На душе у Дятлова, хоть и невинного остался неприятный осадок. Хотел как лучше, а тут... В общем как всегда. Он

глянул на часы и ужаснулся, на часах действительно было 17:10. До пяти прошлялся, рационализатор хренов, турнут с испытательного срока за милую душу и никаких недомолвок!

Ну, да не такие люди там работали, нормальные, с пониманием. Обошлось, короче. Выговор вкатили без занесения на первый раз, как говорится, и на двадцать процентов зарплату чикнули. И чин-чинарём всё. Прикипел к месту Дятлов, прирос. Суёт себе потихонечку проверенные три детальюшки куда следует заместо одной мифической и в ус не дует. И начальство на него не нарадуется. Потому как ответственный и соображающий работник, в отличие от умника-лоботряса, который поперёд батьки в пекло рыло без конца суёт, завсегда в цене!

2013г.

БОРОДА

Жил себе дед Макар, жил. Сначала в СССР, потом в жутко демократичной России ума – разума наживал. Про добро того же не скажешь – не та страна, чтобы к старости добра наживать... Оно, конечно, можно..., но без хитростей или без мохнатой лапы не так чтобы сподручно... А у Макара в этом плане только руки были (мохнатая лапа отсутствовала напрочь), да вместо хитростей борода кустистая была, этого не отнять!

Вот с бородой – тут уж, да-а-а! Тут Макару повезло: такая бородишша – обзавидуешься, хошь моховики взращивай, хошь клюкву насади – экзот, в общем, ходячий! А ежели с визуальной точки зрения, то непонятность определенная всё же возникала. А возникала она касательно бороды, и исключительно с позиции вопросительного характера: мол, или человек всё же сначала сформировался, Макар значит, а борода уж после... То ли... то ли потом уж человек к бороде прирос...

Такая вот густая и обширная растительность произрастала на лице одного пожилого индивида. И даже с одеждой можно было никаких особых манипуляций не затевать – всё равно ниспадающая мохнатость физиономии магнитом притягивала жадный до всего интересного встречный взгляд.

Но повезло деду не только с бородищей холёной, но и со здоровьем, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Но, всяко случиться может... И случилось... Тёпленько. Душненько. Живи да веселись – лету радуйся, ан нет! Заплохело что-то дедуле нашему на улице. Где-чего, так сразу и не скажешь: с сердечной мышцей, али со жратвенным трактом чего приключилось... А только защемило так, что свет меркнуть стал и сознание на дальний план отъехало. И перспектива дальнейшего жития-бытия фоном вдали отсвечивает. Телом, значит, бедолага Макар на лавку в горизонт завалился – не разбери-пойми: так отдыхает или ввиду нестойкой жизненно-возрастной позиции – тут и спец с налёту не разберет!

Повезло деду Макару. Вот, бывает так – что везёт людям! Повезло, что машина скорая с крестиком красным быстро подскочила. Бряк деда в корпус микроавтобуса – и ходу. Пovýла та машина, пovýла, по встрече поноси́лась, по проспектам – улочкам потряслась – попрыгала. Из другого, поди, и дух весь выйти бы мог от такого катания и водительской лихости, а наш дедуля – нет! Не из той категории оказался, которая на глазах обмякает и быстро стынет. Лежит себе, крепенький такой! Состояние стабильное: не горячеет, не холодеет. Пыхтит себе помаленьку и глаза закрыл – с виду будто человек спит всего лишь!

До больницы довели, на другую коляску – бряк! Катали – катали по этажам – куда пристроить, значит, ищут... А что дел у всех – выше крыши, так это и так понятно! Таких «спящих» полгорода где ни попадя валяется: не знаешь – будить, откачивать или клизму оздоравливающую ставить! Поди всех проверь! В общем, пока суть да дело, отвлеклись маленько, всякое бывает, да и оставили каталку с телом, то есть с Макаром нашим в коридоре на третьем этаже. Хочешь спи, хочешь помирай, хочешь просто философствуй – главное: персонал не отвлекай! Глядишь, и до тебя очередь когда дойдет.

Сейчас ведь как!? Есть силы – живи на здоровье, не выпендривайся, никто слова худого не скажет... А то набьются по поликлиникам – давай болячками трясти да хвастаться! Нету дисциплины внутренней для нормального жития бытия? – извиняйте! Врач – он тоже человек, он тоже пожить спокойно хочет. А может у него от мелких чужих болячек голова кругом идёт, а от больших и подавно нехорошо становится, в грязь лицом опять же упасть можно в аспекте знаний по медицинской, так сказать, части. Тут ведь главное как!? Главное – не торопиться: живучий – он сам вытянет..., а который не очень – там уж время покажет, время оно лечит, оно как врач, даже надёжнее!

А пока... пока лучше анализов никакого лечения более продуктивного и толкового не придумано. Сдаёшь-сдаёшь их... о-па! уже смотришь – лосем носишься-прыгаешь вовсю, и ни тебе температуры, ни тошноты... И слабость куда девалась за две – то недели!?

С дедом Макаром немного по-другому всё вышло. Докатили, куда могли – и бросили-позабыли. День лежит в коридоре, два. Уже больные интересоваться начали. Подходят, здороваются, интересуются: кто, дескать, таков, и как мироощущение, в смысле самочувствия? А тот молчит – ни слова, ни полслова. Глухой номер, думали, либо глухой вдрызг, либо совсем в маразме, или что ещё похуже – а тот лежит себе, глаза только, бывало, открывает, поворачивает ими, закрывает, в общем, по всему видать – случай тяжёлый!

Врач пару раз мимо пробежал – вздохмаченный, торопливый, с тетрадью, целеустремлённый такой. Вид, правда, от спешки непривычный – неадекватный слегка. А где же, с другой стороны, адекватности на всех напасть? Одному больному не остановиться никак, в плане естественных надобностей, другому – наоборот, без клизмы никакой жизни нет, третий вообще помирает – воздуху ему, понимаешь, не хватает, четвертый – как витязь на распутье – никак не определится: домой ехать долечиваться или тут на милость божью понадеяться, остаться еще на пару деньков... Всю душу вынут такие неопределившиеся нерешительные больные – мечешься как белка в колесе! Вот такие, как дед Макар – это как находка ценная. Не отсвечивает, ни тебе шуму, ни суеты, ни движения лишнего. Клад, да и только! Борода только кустом топорщится и прёт себе потихоньку-помаленьку в стороны, чахлым телом питаюсь... А главное – молчит больной как партизан. Тут тоже молчанье в цене!

На третий день дед шевелиться стал. Оголодал, видать. Глаза открыл. На этот раз уже шире обычного. Или сами они от удивления округляться стали – кто ж его, их, точней, знает! Организм – штука тёмная, загадочная. Так вот: глаза открыл, на локте привстал, головой вертит – ничего не понимает! А тут и не поймёшь! Нигде не болит, не колет. Только жрать охота, мОчи нет! А так... свежачком. Похудел, правда, маленько – так это ничего, это иногда даже на пользу... За два дня даже маковой росинки, и той не перепало. На довольствие пищевое никто не поставил. Хорошо, больные – люди добрые оказались. Опять же, от безделья будничного наблюдательность имеют: поесть – попить принесли.

На четвертый день Макар садиться уже начал. Мужик какой – то сердобольный «до ветру» в туалет сводил. А врачи, знай себе, по одному – по двое мимо «с песнями» мельтешат, будто и нет никого на каталке... Озабоченные чем-то как обычно. Главный только однажды замедлил шаг, задумчиво и рассеянно посмотрел в сторону каталки..., после чего всплеснул руками и, развернувшись, побежал обратно к лифту...

На пятый день подокрепший и как будто ещё более заросший дед Макар, изнемогая от скуки и безысходной неясности происходящего, заподозрил неладное, подумав, что заведение сие уставным своим идиотизмом шибко смахивает на дурдом. А если это и не психушка, то до неё не так долго и осталось... дня два-три – и пиши пропало!

Решил он не выжидать ничего, ни «манны небесной» в виде больничного пропитания, ни появления ясности в этом затянувшемся сумбуре и жуткой сумятице нелинейного, где-то даже творческого лечебного процесса. Встал и свинтил к дому в чём был. А был он как раз в том, в чём его и привезли. И никто не удосужился ни раздеть, ни переодеть больного – так, простыночкой для вида прикрыли – типа, процесс пошёл... И шутики-шутками, а процесс-то действительно пошёл! На удивление продуктивными и лечебное голодание и покой оказались, встал дедок-то! А без медицины – «крякнулся» бы, поди, – и поминай, как звали! И не вспомнил бы никто... Хотя... хотя вспомнили всё же.

Главный в белом халате, тот, который самый деловой и задумчивый, в очках, он вспомнил! И жутко ругался даже, спрашивая своего коллегу, мол, «кто тудыть-растудыть, попёр домой или куда там растение... там вот... серое такое было...?!»

– Фикус что ли? – перебил возмущенного коллегу второй.

– Да ну! Если бы!... экзотическое наверное, – как из нитей, красоты особой нет, а глаз манит. Интересное такое, кустистое, в том углу, где каталка пустая – ещё вчера стояло, необычное такое... Было – теперь нету! Ну народ, ну мастера! Сволочи! – одно только слово. Стащить бы только чего, неважно – скальпель или цветок! Скальпель ладно, цветок – дело другое... А каталка тут откуда взялась кстати?! Убрать каталку надо, вниз стащить! Пригодиться может... Сезон... Сердечники...

2010г.

ЗНАКОМСТВО ПО ИНТЕРНЕТУ

Как мамонтов, значит, перебили всех, а динозавров в зародыше передавили, решили в ознаменование сего переломного события проведением интернета заняться. Это ничего, что в мозгах пустовато и не в каждой голове мысли присутствуют. Хоть какие-нибудь. Зато с интернетом теперь точно всё в ажуре. Почти в каждом доме этот проводной индикатор прогресса.

Погода? – Пожалуйста! Вот туточки ткните!

Пожрать изволите? – Здесь вот сайтики съестные имеются.

Машину приобрести желание заимели? – Заруливайте в этом направлении, кнопочки на экране жмите, машинку выбирайте-покупайте...

Всё, приехали! Космос! Вчера ещё за мамонтом бегали, сегодня уже в интернете как улитки медленно, но со знанием дела копошимся, жизнь по интернету строим, жизни без интернета не представляем. Да что там – знакомимся уже по интернету. Да-а, а вы как думали?! А знакомство по интернету – это, я вам замечу, не то, что арбуз покупать: тут потёр, там погладил, здесь опять же по жопке шлёпнул – и на кассу. Тут такой номер не пройдёт, хотя аналогия с арбузом определённо имеется. Тот тоже – и на ощупь-то гладкий весь из себя и зелёный, и полосочки-то чёрные одна к одной, и звучит прямо-таки распрелестно, когда его пошлёпаешь с нежностью в предвкушении сладкой утоляющей жажду спелой начинки... И р-раз, – на тебе! Корячился, домой припёр, лоб от пота протёр, арбуз от грязи заодно. Вовнутря арбузы заползаешь... а там и не поймёшь, перезрел он, не дозрел, или вообще это не арбуз, а мутант растительного происхождения, сбежавший от генетиков как тот дикий колобок. Короче, не то что самому жрать, тёще, коли была бы, пробовать не дал!

К чему это я? А-а, про интернет. Точно! Короче, решил я, раз такие полезные прогрессивности в повседневность проросли, пора и мне жизнь наладить. Раз, думаю, мамонтов всех переколотили, бегать не за кем таперича, дай, мыслю, подругу по интернету для души, для сердца разыщу. На улице её, подругу потенциальную, попробуй-разгляди в деталях! Несётся, что та лань, шиш догонишь – не то что рассмотришь! Пока бежишь – семь потов сойдёт, тут уже не до разглядывания. А интернет что: хочешь так погляди, хочешь эдак поверти, хошь с этой стороны, хошь с той. Фотографий – вал. Фотопанорама увлечений. Томограмма жизни, как говорится, потенциальной подруги...

Крутил-вертел фотки, лазал-ползал по просторам интернета, нашёл чего-то, кажись. На фотографиях очень что-то даже завлекательное. Две их, правда, всего фотографии. Ну, лучше, думаю, две – и на них вполне что-то приличное, нежели сто – а на них не пойми кто и сбоку бантик (бантик это в лучшем случае). А в этом случае стройность, если приглядеться, присутствует, фигура опять же на осанку не давит. Короче, предложил от радости кино посетить совместно, что-нибудь легкое, типа «комедь», к примеру. Ежели с выбором всё прилично, можно приобнять попытаться, а коли дело швах, в темноте этот самый швах не так видать будет и кино, опять же, можно будет посмотреть...

На следующий день договорились в условленном месте встренуться. Смотрю внимательно по сторонам, десять минут гляжу, пятнадцать всматриваюсь, уже туман в глаза изнутри лезет, слеза от напряжения левый глаз прошибает. И тут слева, мол, здрасьте-пожал-ста! Леди вырисовывается. Я, намекает, насчёт знакомства здесь. А Вы, говорит, Юриком, чувствую, будете.

– Ого! – это уже у меня непроизвольно вырвалось. В смысле, я он и есть, только вот...

Она: «А я – Лена».

Лена – арена. Это я про себя, глядя на неё. Думаете, просто так у меня это «Ого!» вылезло?

– Извините, – говорю, – гражданочка, но я Вас несколько в ином ракурсе представлял, сугубо в пределах фотографической достоверности.

– Это как это? – спрашивает.

– А так, – объясняю. – На фотографии 48-й размер стройности явно без натяга. Главное и подписано для дураков вроде меня – 48р, рост 170. А тут, извиняюсь, 52-й размер плотности с натягом при росте 160. Это как понимать? Мне стройность нынче импонирует, а не плотность, уж не обессудьте за прямоту.

– Это, – говорит, – никак понимать не надо, это я перед встречей волновалась, два пирожных съела... А вообще мне стройность не очень мешает жить...

Хоть последнюю фразу я не шибко понял, а всё же думаю, ничего себе два пирожных! Пару пирожных, от которых с 48-го на 52-й растянуло, это ж в жизни не прокормишь такое сокровище и уж, позвольте, это не подруга, а крокодил чисто по сути получается, переросток, – два пирожных размером с таз каждое умять.

– Вы, позвольте осведомиться, гражданочка, я уж на прямоту узнать хочу, зачем обманом людей из-за компьютера вытаскиваете и в заблуждение несоответствиями, бросающимися в глаза, вводите?

– Так Вы ж сами в кино предложили...

– В кино – да, не отрицаю, а Вы всё это зачем затеваете, куда клоните?

– Замуж, – говорит, – хочу.

– Час от часу не легче! – У меня аж брови вздыбились. Ничего себе кино посмотреть захотел! Ты, получается, комедию смотришь, ржёшь без задней мысли конём, а на тебя под шумок да под общий смех хомут натягивают и кольцо с клеем, чтоб обсохло и встало как литое, на палец накручивают.

Дудки! Мы так не договаривались! Про комедь договаривались, в кино чтобы... А так, чтобы в жизни её по натуральному ломать, – это мне и задарма не надобно! Вместе с хомутом к тому же в придачу. Не любитель я самодеятельности. Короче, не срослось. Недаром знающие товарищи уверяют, первый блин – он всегда комом.

Второй раз наоборот всё вышло. Думаете, встретились, двинули на радостях в кино, только раз наоборот, то не на комедию, а на вампиров каких-нибудь занесло? Ан нет! Билеты на эротику взял. Почти. Девчонки там почти гольём, пляж, акулы. Красивое такое видовое кино. И тут снова – здарсьте!

– Я, сообщает, Люба! Я насчёт познакомиться и всё такое.

А я гляжу на неё и понимаю, что никакая это не Люба, а Любушка, точнее даже – Любушунюшка и то с натягом, худоба такая – плакать хочется и сострадать. 48-м обещанным не то что не пахнет, а и в перспективе не предвидится. Потому как, в чём душа теплится, не ясно и шансов дожить до перспективы с такой «стройностью» не густо. Опять, чувствую, подстава. На фотке человек человеком, а по факту чисто укроп сушёный слегка зелёный со впалыми щёчками. Тут уж верное дело не до кино! Её покормить бы, обманщицу без всяких задних и передних мыслей, а то вид больно уж жалостливый. Говорю, позвольте уж тогда Вас, миниатюрная Вы наша, до кафе сопроводить, раз такое дело... Она меня перебивает и тихонечко так мямлит, дескать, кафе не надо, я на диете. У-у-у, дужу про себя паровозом, тяжёлый случай! Врунья – куда ни шло, без врания нынче никак, время такое, а вот анорексию я уже не вынесу. Пора валить, думаю, по холодку, пока на кине эротическом от впечатлений подруга концы не отдала. Посмотрит, к примеру, как акулы в фильме плотненько кушают, и от зависти голодной – ту-ту-у! на соседнем кресле от потери сил в другое измерение отчалит.

Решил не темнить и как на духу выкладываю.

– Вы, Люба, – делюсь с ней впечатлениями от первого шока, – в интернете вполне даже прилично выглядите, а наяву наоборот – худо, худая в смысле совсем.

Она мне: да, мол, красота требует жертв.

Я так башкой опять прикинул, эдак она, похоже, судя по множественному числу насчет «жертв», нас обоих намеревается в жерло красоты затолкать? Нет, главное так и сказала: жертв она, красота требует, а не жертву! Ну уж, думаю, за компанию палец сосать вместо поест нормально – это товарищи без меня. Кушайте сами!

Как отделался от неё, не спрашивайте, только дома очухался. Вот, думаю, кадры встречаются. Ни сырников с ними нормально пожрать, ни блинов от пуза на ночь. Кстати, про блины. Вводящая в заблуждение общепринятая версия насчёт первого блина, который комом лезет, получила соответствующее дополнение или даже изменение – тут уж как хотите. Не просто второй блин комом, а первый и второй. О. Т. К. Проверено, как говорится, с помощью интернета.

В общем, за недельку от встречи с Худолобой отошёл, окреп морально и вновь решил шанс интернету дать. Шарахался, шарил по нему, собаке, нашёл. Хорошая, симпатичная даже девчушка без, как написано, вредных привычек, только курит слегка и выпить иногда берёт грех на душу. Ну, думаю, это хорошо, что без вредных привычек, это нынче редкость, кстати, анорексия, это вредная привычка или нет? Решил экспромтом знакомство произвести безо всяких там «у такого-то кинотеатра» или «у такого-то кафе» – у метро и всё! Хорош ваньку валять! В простоте, говорят, надёжность.

Ждал-ждал... Так положено – ждать, понимаю. Дождался всё-таки. Идёт вся такая в шортиках... Гляжу, что-то синее на ногах виднеется... Так сразу резко, вроде, неудобно на ноги пялиться – что там такое синее. Это ж не грудь. Это там смотри, сколько влезет. Короче, идем бок о бок, разговариваем, она сигареточку достаёт, мол, зажигалочки не будет, – кокетничает. А я не подготовился чего-то в этом направлении. Увольте-с, говорю, дома на комод забыл. А сам главное не курю, это я так ляпнул, всё про синеву думаю, прямо любопытство меня нездоровое разъедает. Слово за слово, юморок подключил, анекдотики, туда-сюда, интересуюсь, где, дескать, милейшая так завалиться Вас угораздило, в метро или с мотоцикла брякнулись? А сам глазом кошу вниз, готовлюсь увиденное с ответом сверять. Она мне: это, мол, татуировки такие новомодные, одна наполовину исполнена, вторую только начали творить... Етит-твою-мать! Только начали! Да там света белого не видно – только начали! Дракончик у неё, понимаешь, ...змейка. Это она ещё не раздевалась... Раздевать её, что характерно, ни рядом с кинотеатром, ни рядом с кафе, желания не возникло, поэтому на следующем перекрестке, вспомнив что забыл выключить воду, газ, телевизор и чайник, я отчалил.

Третий «блин», который комом, явно менял устоявшуюся систему. По крайней мере, после «третьего блина» появилось стойкое отвращение к интернету и, как ни странно, к блинам. Всё-таки нельзя так сразу. Вчера ты ещё за мамонтами гонялся, а сегодня уже с головой в прогрессе. Я понимаю, конечно, что прогресс – не самое худшее, во что можно вляпаться так капитально. Однако меру надо знать. Надо с чувством, с толком, с расстановкой. Опять же, не всё можно передоверять прогрессу, кое-чем можно всецело озадачиться и самому. Кое-что и по старинке будет работать и действовать из века в век, не смотря ни на что.

...Так-с, а это что за распрелестность там на горизонте? Прямо за тем мамонтом или папонтом, который вывалил только что из троллейбуса. Нет, определённо распрелестность. Нельзя терять ни секунды! Действуем по старинке, по наитию, если получится – на ощупь...

– Девушка, здравствуйте! Разрешите с Вами познакомиться?!

2013г.

ТЁРКИ

Плотный автомобильный поток двигался очень медленно. Наступало то время, когда городу, согласно негласному расписанию, уже пора было стоять в чадающей выхлопными газами пробке. Все куда-то ехали, создавая впечатление, что работа и прочая деятельность должны производиться исключительно в движении, но принципиально – на колёсах. Одни блестящими разноцветными черепашками ползли по изначально выбранной траектории, прямо, без терзаний и «лишних телодвижений», принимая существующую ситуацию на дороге как данность, прочие нервно ёрзали, прилагая все усилия для того, чтобы «мирно ползущим черепашкам» жизнь мёдом не казалась.

Эти, значит, ползут. Те ёрзают. Каждый – в соответствии с внутренней харизмой. Нервозность, конечно, присутствует, но зато всё течёт без дико настораживающего спокойствия а-ля «заграница». Это там все едут, сдуру пропуская кого ни попадя, в хвост не дуют без продыху, морду куда ни попадя не суют – ослы, одним словом! Нам на иностранных ослов равняться – себя не уважать! Не знаешь где педаль газа – дома сиди! А то, что заторы получаются – так людям тоже отдохнуть надо, не всё 150 кэ-мэ по набережной топить. Вот и отдыхают. Дружно, кучненько: имеет место быть этакое гипертрофированное дорожное благоденствие по-русски.

А тут о-па! Перед черным джипом «Гелендвагеном» нагло врывается не менее джипяристый черный «Додж» с открытым хайлом сзади, как у американских фермеров. Тот не пропускает, этот лезет напролом – идиллия! Торжество дорожной культуры и принципа! Поцеловаться авто-крокодилы не успели, потому как сидящие внутри даванули по тискам, врубили «аварийки» и выкатились наружу, по киношному расхлябив двери, на манер у кого дверь шибче откупорена – тот и сверху! Понятное дело, лучше от этого на дороге не стало. Было три ряда, стало ни два ни полтора. Один чуть наискосок стоит, другой прямичком, а дверки-то ещё пол ряда отхватили. Слава Богу, что оба выскочивших наружу обладателя бронебойных затылков довольно быстро сообразили прихлопнуть дверки на место. Но столпотворение и тарыхтение вокруг этих товарищей нисколько не смущали и они, не теряя времени даром, приступили к «тёркам».

– Тебе чё, дороги мало?! – Орёт один, подходя почти вплотную ко второму.

– А ты чё, по типу такой крутой или просто из принципиальных будешь? – Норовисто бодрился второй.

Глядя на резвящихся крепышей, некоторые участники движения приводили в действие имеющиеся гаджеты: незаметно включали камеры на телефонах и поворачивали в нужную сторону видео-регистраторы, дабы запечатлеть на память краткий ситуативный курс «как грамотно чинить разборки». К слову сказать, на «кинолюбителей» этим двоим было ровным счётом начхать, они будто на озере вдвоём отдыхали и обсуждали тонкости правил игры в бадминтон с элементами регби.

– Ты чё бычишь? – С лёгкими нотками наезда любознательно уточнял нюансы возникших противоречий тот, что из «Гелека».

– А ты почему такой дерзкий? – По-еврейски вопросом на вопрос ответил крепыш из «Доджа» (кстати, по виду, ни хрена не фермер).

– Хорош так базарить, слышь! – По ходу, всё же наезжал братишка из «Гелека» и для убедительности широко расставил ноги, видимо, чувствуя некий дискомфорт между ног из-за напирательной силы Кинг-Конга в районе паха, инстинктивно растущей по экспоненте в соответствии с возникшим желанием жёстко вздрючить оппонента.

– Типа угрожаешь? – С вызовом спросил второй и, придвинувшись к первому, вдруг удивленно вскинул брови вверх.

Пристально поглядев на противника, он спросил:

– Слышь, а это не ты, случайно, год назад у Виллиса на юбилее светился?

Оппонент, не менее внимательно посмотрев в глаза сопернику, будто о чём-то вспоминая, с небольшой затяжкой в голосе произнёс:

– Ну?! Был. И чё с того?!

– Так это..., выходит, это мы с тобой тогда драку учинили? – почему-то радостно уточнял детали годовалой встречи браток из «Доджа».

– По ходу, со мной, – подтвердил предположение лысый из «Гелендвагена», – и тоже почему-то улыбнулся.

Развязка явно затягивалась.

– Тебя, по-моему, Андерсом звали, – вспоминал не менее лысый из «Доджа», – тогда ещё из-за этого хрень эта и вышла. Я тебе, типа по приколу спросил, ты чё, из «этих», мол, что тебя Андерсом величают. Нормального человека, типа, Андерсом не назовут. А ты в хламину, и говорить-то уже не мог, а в морду мне – хлабысть!

– Да-к а чё, оба тогда были хорошие, юбилей же ж! Кстати, я Андрей, но можешь по старой памяти так Андерсом и звать, я привычный, главное, чтобы не хамили. И клешнями не размахивали, – зачем-то добавил он.

– А я Сэм, – протянул руку собеседник.

– Нормально, а главное – к сараю твоему походит, – Андерс кивнул на фермерский «Додж», – гармонично.

– Толково подметил, – дружелюбно согласился Сэм, кинув взгляд на свою тачку и, заржав, продолжил. – Не, ну мы тогда дали джазу! Вообще реал был. Особенно когда сцепились и додику этому, Шувале по ходу дела в пузо заехали локтем или чем там... Ты его приложил или я, не знаю, не помню, но когда я тебя за башку держал, смотрю, а этот на земле валяется, в клубок свернулся, за пуп свой драгоценный держится и пыхтит как ёж. А я пьяный, да с тобой ещё возня в полном разгаре, а меня прёт – не могу. Смотрю на Шувалу и думаю, молока тебе осталось только в блюде подать, дохлятина.

Андерс и Сэм заржали.

– Блин, ну ты дал, молоко в блюде, ёж..., – отрывисто сквозь смех бормотал Андерс.

Кто-то сзади посигналил, недовольный задушевной беседой посереде дороги двух братьев по разуму. Сэм сделал рожу корытом, подался чуть вперед и заорал:

– Ты, ниссанец, ещё раз задудишь, я тебе всю дуделку разворочу и ещё что-нибудь в довесок попорчу. Водитель «Ниссана» на всякий случай поднял стекло до упора и повернул голову в сторону магнитолы, причём с таким заинтересованным видом, будто магнитола в этот самый момент начала показывать ещё и видео.

– Это ладно, – отсмеявшись предался воспоминаниям Андерс, – я хоть и в дрова тогда был, но про статую отлично помню. Ну эту, которая по типу Венера.

– Какая на хрен Венера? Венера – она ни хрена не с ногами была, в том плане, что без ног, бюст один: сиськи да башка, – показал свою осведомленность в области античного искусства Сэм.

– Тогда уж не без ног, а без рук, – возразил, как оказалось, не менее эрудированный в этом вопросе Андерс.

– Но суть не в этом, хотя эта статуёвина верняк и с копытами была и с клешнями. Темато в другом: как мы на неё завалились, а она с постамента – херак-с на лестницу на мраморную и сиська у неё одна – брык и в сторону, на траву, как у тех баб с накладками, вообще реал был! Виллис матерится, волюной трясёт, а мужики – в лёжку все. Тогда ещё Панчо брякнул, дескать: о, вставыш силиконовый отпал!

Андерс и Сэм снова начали ржать как кони в стойле, только теперь уже согнувшись пополам. Андерс тряся, упершись головой в капот своего «Гелендвагена», а Сэм в приступе хохота

начал пятиться задом, рискуя забрести под медленно крадущийся поток. Андерс, еле оторвавшись от капота, сквозь смех и слёзы, глядя на Сэма почти прохрипел:

– Осторожно! Смотри, на «Оку» не наступи!

Сэм остановился, обернулся, и, не прекращая смеяться, поправил:

– Это не «Ока», это «Матис».

– Без разницы, – веселился Андерс, – такой же маломерок!

Цирк, устроенный на дороге крепкими ребятами, почему-то абсолютно не впечатлял остальных автомобилистов, кое-кто даже снова попытался возмущенно сигналить.

– Не, ну я щас точно произведу корректировку конструктивных особенностей, недоработку производителя до ума доведу и вставлю на место выхлопную этому маздюку, – разогнувшись, Сэм кивнул на серебристую «Мазду», – и фольксвагину этому нервному заодно, – он почти уже даже направился к зелёному «Фольксвагену».

Но Андерс остановил его и, тоже ловя кураж, говорит:

– Может этого мерседаста в красном купе нахлобучим, он вообще дудит не прекращая. Ненавижу таких, ещё и на говне на таком бабском, точно навернуть его надо!

Тут уже Андерса остановил за руку чуть озадаченный, но ещё веселящийся Сэм.

– Слышь, ты чё базаришь-то, у тебя у самого «Мерин», чё ты его бабьим-то назвал?!

– Да ну, перестань, всё равно как шаланду с байдаркой сравнивать, как сопля красная по земле волочится, косметичку возить... Вот аппарат! – Он хлопнул свою машину по капоту и еще шире, видно от гордости, расставил ноги, – хошь пулемет вози, хошь бабло мешками... Кстати, а ты чё в своем сарае возишь, – шутливо поинтересовался Андерс у Сэма, – навоз что ли? Большой кузовок, вместительный, много влезет...

– Жмуров, хотя насчёт навоза тоже близко, – резко ответил Сэм и заржал снова, – семеро нормалёк влезают, без особой толчеи – штабелечком, подвеска неплохая, не жалуются...

– Это хорошо, – похвалил фермерский говновоз Андерс, – главное, что целевое значение оправдывает!

– Без «Бэ»! – Радостно согласился Сэм.

– Ты, нахлобуга, заканчивай там дёргаться, – нервно бросался в поток Андерс, – я щас вообще тут палатку поставлю!

– Да ладно, брось ты с этим стадом базарить, поехали нормально потрём. У меня местечко есть одно... У тебя как со временем?! – Спросил Сэм.

– Есть! – Сухо ответил раскочегаренный как бультерьер перед боем Андерс.

– Во, и отлично! Там сауна зачётная, хавчик, тёлки молодые – супер! Две с высшим образованием имеются. Одна училкой подрабатывает в школе, чисто для души и стажу для.

– По биологии что ли, училка-то эта старшеклассников подтягивает? – Оживился Андерс.

– Да нет, по геометрии. Шаристая.

– О, круто, значит и котангенс мой измерить сможет как надо! – Оценил по достоинству перспективу встречи с подготовленным молодым педагогом Андерс.

– Ни фига ты дал! Котангенс! Респект, братишка! – Сэм восхищенно качнул головой, после чего, крутанув ею по сторонам, добавил, – ладно, харэ время терять, отсвечивать тут беспонт, погнали!

– Верняк, порулили, по паре контрольных оформим!

Обе машины выключили аварийки. «Геледваген» пропустил «Доджа» вперёд и двинулся за ним. И не было больше тёрок. И воцарился мир. И восстановилась старая добрая привычная всем мерно ползущая пробка. И вся эта «лепота» образовалась, в общем-то, благодаря гибкости и пониманию текущих процессов отдельно взятыми людьми и их тяге к прикладной геометрии, в частности...

2012г.

ФОТОГРАФИЯ

– Так, товарищи, не стесняемся, участвуем в процессе! Не надо сбиваться в кучу! Нет, у меня прямо слов не хватает, ну прямо бегемот прошёл.

– По нам?! – Послышался радостный голос из толпы.

– Не по вам, а в этом районе. И кучу оставил за собой. Бесформенную, но объёмистую.

В толпе кто-то нервно засмеялся.

– Это же на память, а вы друг на друга лезете! Растягиваемся, растягиваемся! Панораму даём! Как улыбку по горизонту тянем, только не в отдельности, а все вместе! Стоп-стоп-стоп! Товарищи, не надо меня окружать, это же не «каравай», это фото на память. Да, и руки с плеч уберите, сиртаки будете позже танцевать, после отвальнйой. Что? Можно ли второй и третий ярус создавать? Нужно! Я же говорю, те, кто поменьше – вперёд. Те, кто повыше – назад.

Мужчина! Да-да, Вы, упитанный который, куда Вы в зад лезете!? Вы ж как наш президент росточком, Вам как и ему впереди полагается. Что, упитанность прятать залезли? Так она не эдак, так лицом проявится, не сомневайтесь! Я не первый год работаю. Ну ладно, стойте, где хотите!

А Вы сзади, мужчина в пятнистой рубашке, зачем так шею тянете? Прямо как жираф вытянулись. Бойтесь, что плохо видно будет? Не бойтесь, шею видно хорошо! Чересчур даже. Можно даже втянуть слегка. Когда на небо насмотритесь, просьба: начинать искать отражение в объективе. Да, моего фотоаппарата, на свой дома шею снимать будете.

Девушка, девушка! Ну а Вы-то чего? Зачем глаз жмурить? Это же не кастинг на «Пиратов Карибского моря-10», это на память фото, а Вы, извиняюсь, как флибустьер, ни дать ни взять. От кашля так глаз закрылся? Так не кашляйте. Ах, это сосед огурцом кашлянул? Ладно, вытаскивайте скорее свой огурец, пока я не прицелился. Ну хорошо-хорошо, не свой, а соседа..., все равно лучше вынуть, красивее выйдет!

– Нашёл тоже время, – сетовал про себя фотограф, – подождать не мог, сфотографировался – и плююся себе, хоть огурцами, хоть бананами, хоть вообще баклажаном, если влезет!

Так, вроде по-людски все встали. Осталось улыбнуться по-людски – и дело в шляпе. Товарищи, не ухмыльнуться и оскалиться, а именно улыбнуться от вас требуется. И не надо пародировать лошадь, она этого не заслужила. Она, извиняюсь, пашет как ло..., точнее, это я как лошадь пашу, взмок уже, а вы всё улыбку за уши притягиваете. Да, это оборот такой. А надо к ушам чтобы сама, без натяга лезла. Во, совсем другое дело, молодцы! Эдак, если дело так дальше пойдёт, глядишь, уже через часик и запечатаемся.

Мужчина с сигаретиной во рту! Не надо меня буквально понимать насчет часа, у меня ещё две группы, работы – воз и тележка, а Вы время тянете за то, что тянуть не надо. Ну выплюньте её уже что ли, прямо не расстаться Вам с ней никак. Вашу улыбку может дымом заволочь в самый ответственный момент! Что? «Фигавета к выватке?»... как-то, простите, невнятно... а-а, сигарета к жвачке прилипла? Ну, обоих их тогда, то есть обеих – долой. Жвачка – ещё куда ни шло, к ней улыбку прилепить изнутри можно, ежели челюстями как в мясорубке не молотить. Как говорите? Сигаретина к жвачке прилипла, а жвачка зуб без пломбы затыкает в том месте, где пломба была день назад? Да-а, тяжелый случай! Тогда вздохните поглубже и не вдыхайте. Не выводить же Вас из строя, кадра то есть. Вы не можете с сигаретой расстаться, я с Вами...

– Это не пломба, это дупло какое-то, – тихо ворчал фотограф, – если жвачкой пол рта заняло.

Ну вот, пока я тут с вами валандался, птичка, судя по запаху из фотокамеры, совсем затухла. У неё организм чахлый, тонко настроенный, она не может как мы столько времени на жару дурака валять. Ну да ладно, не пропадать же добру...

Внимание! Сосредоточились! Катапульта с птицей взведена. Камера, мотор! Стоп!
Снято!
2013г.

ТРУБКА МИРА

– Паш, слышь, Паш! Шуруй сюда шустрее!

Паша остановился и повернул голову. Из кустов торчала взлохмаченная голова одноклассника Сашки. Он жил в соседнем доме. И корешились они уже давно.

– Ну чего встал-то? Шуруй сюда, говорю!

Сашка казался несколько возбужденным. Его зазывные движения рукой, неловкие из-за мешавших веток, мол, дуй сюда, ослина упрямая, кому говорю, были подозрительно суетны.

– Ты чего там шипишь как змея? – Спросил Пашка.

– А как мне не шипеть, если ты глухой как тетерев. Я ему: Паша – Паша! Паша – Паша!

А он «с песнями» дальше...

– С какими ещё песнями? – Удивился Паша.

– Это так говорится. Да ладно, фиг с ним, иди сюда, говорю!

– Чё я в кусты что ли полезу?! – Возмутился Паша.

– Ну, хочешь, как придурок вокруг обходи! – Огрызнулся Сашка.

– Не хочу. И в кусты лезть тоже не хочу. Чё я там забыл?

– Да ладно тебе вредничать, дело есть, говорю же тебе!

Пашка с хрустом, как молодой лось стал протискиваться сквозь плотный цепкий кустарник. Одна ветка больно чиркнула его по щеке, оставив царапину, вторая основательно рассекла полиэтиленовый пакет, откуда незамедлительно, словно почувствовав близкую свободу начал предательски вылезать хлеб, за ним сметана и молоко. Естественно, что всё это съестное добро начало вываливаться не где-нибудь, а почти в самой гуще, где ветки острые-преострые, колкие и густые-прегустые, и валялось там не пойми что, и воняло тем же, к полнейшему неудовольствию Паши.

– Ах ты ...!!! – Мол, тудыть тебя растудыть, совсем не по-детски выругался он, – чтоб тебя с твоими тайнами!

Он, кряхтя, прикрывая на всякий случай глаза, выцарапывал из кустов рассыпавшиеся продукты и пытался складывать их обратно в порванный лежащий на земле пакет.

– Ну чего тебе, зануда ты парагвайская?! – Повышенным тоном спросил Паша, распрямляясь. Он оставил в покое свой пакет и внимательно выжидающе уставился на Сашку.

– Я это... я чего тут подумал, – вдруг начал мяться Сашка, – пора взрослеть уже что ли, мужиками становиться.

– Опять что ли онанизмом заниматься? – Резко прервал друга догадливый Сашка.

– Да не! Во! – Сашка развернул газету, в которой дружной гурьбой лежали разноразличные душистые хабары.

– Что это за дрянь такая?! – Нос Паши заходил ходуном, как у сеттера, учуявшего дичь, а сам Пашка сморщился, изображая шарпея, не отрывая при этом взгляд от окурков.

– Табачок-с, – шкодливо произнёс Сашка и положил газету на нездорово выглядящую, скорчившуюся от перепадов влажности и температур лежащую на земле изрядно посеревшую фанерину, служившую, судя по валявшимся рядом пластиковым стаканам, пустым консервным банкам и прочему пищевому мусору, столом предыдущим посетителям этого злосчастного места.

– Как ты этот притон обнаружил? – Въедливо доставал друга глупыми вопросами Паша.

– Ещё меня зануденью обзывает! А сам ничуть не лучше! – Обиделся Сашка. – Вот сюда сядь, тут удобно, – он указал на перевернутое дырявое ведро, смахивавшее выеденной ржавчиной прорехой на шлем крестоносца, а сам сел на свежий деревянный ящик, который, видимо, был обновкой в интерьере. – Зря ты так, на самом деле очень уютное местечко, – продолжил он, распрямляя края газеты.

– Я вижу, какое оно уютное. – Паша сел и огляделся. – Похоже, здесь совсем недавно местная «знать» отдыхала, – съязвил он и пяткой пнул пустую литровую бутылку из-под водки. Та, брякнув об смятые металлические банки, лихо укатилась к дереву.

– Будет тебе дребезжать, помоги лучше, – деловито произнёс Сашка, отрывая от газеты внушительный кусок. Он свернул его кулком, лихо завернув хвостик, и подал Сашке. – На, держи, а то одному неудобно, да и скучно.

– Из тебя классный торгаш семечками получится, – сделал комплимент Пашка, следя за ловкими руками Сашки.

Тот хмыкнул и начал отделять «зёрна от плевел». Фильтры хабариков как отстрелянные гильзы почти очередью летели вправо, благоухающий же «табачок-с» сорта б/у растирался одним движением и ссыпался в кулёк. Можно было даже подумать, что учёба в школе – это так, увлечение, хобби что ли, а вот приготовление ароматной курительной смеси – это то, чем действительно он занимается каждый день, причём с душой.

– Ты прямо как Электроник, – зачарованно наблюдая за уверенными движениями рук друга, с похвалой в голосе прокомментировал трудоёмкий процесс Пашка.

– А то! Я всё лето Андрюхе в деревне помогал. Не курил, правда, ни разу... Зато вдыхал по взрослому. – Довольный похвалой Сашка, досыпал кулёк почти до верха. – Ну вот, почти готово, – его стеклянные от сосредоточенности глаза расслабились, посветлели, и на лице появилось подобие улыбки. – Ну что, Вождь Краснокожих, закурим Трубку Мира?! – Чуть вопросительно по-хозяйски пригласил дружбана на дегустацию Сашка.

– Точно, будет нам с тобой «краснокожих» по одному месту, если родичи застукают. Теперь я понял, что ты имел в виду, когда сказал, что скучно тебе одному. Когда нам обоим выплут – и тебе скучно не будет, и мне заодно...

– Не дрейфь! – Подзадоривал Сашка, – место тихое, толковое, надёжное. От дома вроде не далеко, а фиг заглядывать кто будет. Я помню, тут на позапрошлой неделе отдыхал кто-то с кем-то и матерился невпопад, очень то есть шибко, так сказал дядя Славик из четвертого подъезда. А дяде Славику не понравилось это, он ведь бывший участковый. Он сюда и заглянул на «пикник»... сдуру-то, – Сашка засмеялся, – так ему таких тут навсыпали! Морда – о! – Он надул щеки и для пущей убедительности раздвинул руки, – как арбуз – круглая, опухшая, только не зелёная, а с синевой такая больше всё. Как ты говоришь, «краснокожих» ему самому надавали, точнее «краснорожих» – чтоб не шлялся попусту, – он снова засмеялся, – а ты говоришь – место плохое. Надёжное, как броня!

Первая спичка не зажглась и улетела в кусты. Вторая, почти потухнув, всё же подарила окурочной шелухе ленивый огонёк, отчего те едко и густо задымили. Сашка затянулся первым. Пашка, уловив носом дым, спросил:

– Ну как?

– Неплохо. И, кстати, воняют получше, чем не прикуренные.

– Да уж, – согласился Паша, принимая рожок в свои руки.

– Ты только помногу не втягивай, – советовал Сашка, – а то с ведра мигом свалишься.

– Это мы ещё посмотрим, кто свалится, – ответил, посасывая дым Пашка. – Ух ты, забористая вещь, – заметил он, вращая глазами.

– Я же ерунду предлагать не буду, – Сашка важно подмигнул, приняв похвалу на свой счёт, забирая «козью ножку» обратно. – Расслабуха, – тянул он, – прям как Том Сойер с Гек Финном.

– Ага, – подтвердил окосевший Пашка. – А ты читал?

– Не-а, смотрел.

– А-а, – Пашка кивнул головой, мол, понятное дело, кино – двигатель прогресса и вдруг задумчиво спросил, – интересно, а зачем вообще курят?

– Ну это... для крутости, – со знанием дела, вулканом выпуская дым, ответил Сашка и сильно закашлялся.

– Не факт. Мой отец вон, не курит, и чего?

– Чего-чего, может ему крутым быть и не надо.

– Да он и так крутой, – обиженно заметил Пашка.

– Да не, я чего, я просто говорю, что крутости добавляет, это факт! Возьми Шерлока Холмса. Ему, наверное, и ума добавляло, он без трубки вообще никуда, все пираты, опять же, курили...

– А мушкетёры? – задал вопрос на засыпку Пашка.

– А кто их знает..., – замялся Сашка, – мой батя вообще говорит, что «кто не курит – тот работает».

– Это что ж получается, работает тот, кто не курит? – Озадачился непростой формулой жизни Пашка.

– Что-то типа того. По крайней мере, когда батя курит, он точно ни фига не делает, прямо как мы с тобой.

– Если бы не твоя «трубка мира», я бы сейчас пол пылесосил, – парировал Паша.

– Успеешь! Сейчас докурим...

– Может, для того, чтобы бороться с постоянным волнением, я передачу смотрел, «стресс» называется, вот они и борются с ним, нервничают всё время и борются!

– Кто?

– Курильщики.

– Может быть, очень может быть. Батя как не покурит – чисто бык в загоне мечется, места себе не находит. Один раз оделся и ночью в ларёк пошел, я слышал, за сигаретами, о как! Зато как с сигаретой – чистый фокусник. Сам спокойный, а пальцами ловко так сигарету крутит...

– Наверное, у курильщиков поэтому пальцы должны быть в два раза ловчее, чем у не курящих.

– Должно быть, так, – Саша передал дымящийся кулёк Паше, – хотя мама ему всё время про соску говорит, что с детством ему никак не расстаться, вот и чмокает потихоньку. – Сашка с Пашкой захихикали. – Зато..., я вот чё подумал, – продолжал Сашка, – у тебя моль, блохи, клопы есть?

– Нет, только хомячок и тараканы.

– То-то и оно! А у нас ни того, ни другого, ни третьего! Всё прокурено, никакая моль не возьмёт. Кстати, и духов злых дым сигаретный отгонять должен, индейцы вон, все как один дымили. А люди, что они хуже, тоже, поди, не дураки, кому со злыми духами дело иметь охота!?

– А я однажды привидение видел в коридоре, – тихо сказал Паша.

– А я о чём тебе толкую, курил бы батя твой или маманя хотя бы, – ни тараканов тебе, ни привидений.

– Этого ещё не хватало, – возмутился Паша, морщась и возвращая истлевший до половины газетный конус другу.

– Зато дело верное. Я так думаю, что и курящая женщина, правда, если она беременная, помогает своему будущему ребенку быстрее и лучше привыкнуть к нашей плохой экологии, вон, что творится! – Сашка махнул рукой на дым вдаль и мусор рядом.

– У тебя всё – дело верное. Надо же такое придумать! Кстати, а пчёл зачем окуривают?

– Это ты к чему?

– К тому, что курильщики вечно всех окуривают, хочешь ты этого или нет.

– Заботятся, – затягиваясь, говорит Сашка, – чтобы таким как ты по ночам спалось, а не привидения мерещились.

– Я днём видел.

– Тем более. У нас тут тетка в лифте ездит, – не замолкал словоохотливый Саша, – так она вечно так надушится – глаза слезятся, а сосед с восьмого, тот вечно как козёл потом воняет. Батя с сигаретиной войдет и неприятных запахов – как не бывало.

– Ну, это на любителя, – возразил Пашка, – там и так дышать нечем, а ты дымить ещё.

– А я чего? Я ж не дымлю, – потупился Сашка, – просто, когда воняет всяким, тоже не здорово.

– Согласен, – жёстко по взрослому – кивком подтвердил свое мнение по данному вопросу Паша.

От объемистой Трубки Мира драло глотку, жутко щипало глаза, и уже начинала подкапывать тошнота. Сашка, чувствуя, что можно не докурить до конца, сказал:

– Угостить бы кого...

– Кого? – Спросил Паша. – И чем?

– А я знаю кого? Сигарой нашей, конечно! Это же Трубка Мира, понимать надо!

Паша, чувствует, что ещё пара тяжек – и можно с ведра в кусты сыграть напрямиком:

– Да, угостить и впрямь кого-нибудь не мешало бы. Давай потушим, если сами не докурим, другие дотянут.

– И то верно, – сказал начавший сливаться с зеленью кустов Сашка.

Затушенная Трубка Мира лежала на фанере, а приятели сначала глубоко-глубоко дышали, глядя на небо, затем, переведя дух, посмотрели друг на друга.

– Ну как?

– По первости как-то не очень.

– Есть такое... Просто надо почаще, тогда все тип-топ будет, – Сашка плюнул рядом с ящиком, – взрослым становиться – это тебе не мороженое жевать!

– Говорят, это..., зубы от них желтеют, – пробормотал Паша.

– Кто говорит? – Устало спросил Саша.

– Люди.

– Дураки. Мало ли, что они наговорят, слушай их больше! – Расходился Сашка. – Не желтеют, а приобретают благородный цвет слоновой кости, чего тут неясного?!

– Тут всё ясно. А насчет здоровья?

– Как? – Переспросил Саша.

– Здоровье, говорю, как, по-твоему, от курева?

– Чего как?

– Ну, хуже становится?

– Не знаю, по бате не сказал бы. К тому же, сам подумай, стали бы врачи курить, если бы это было действительно вредно, – а? Они же не дураки в белых халатах, а врачи!

– В белых халатах, – дополнил Пашка, – они сами дураков разных от дурости лечат и от всего остального заодно.

– Во, сам всё понимаешь! – Оживился отдышавшийся Сашка. – По правде говоря, я думаю так: ежели никотин – это яд вредный для здоровья, продавать его никто не стал бы. А только вредный он, этот яд «никотин» не для человека, а для лошадей исключительно и для бактерий разных, вирусов, кариес он должен убивать...

– Ух ты, а я как раз конфеты люблю.

– Вот, чтобы зубы не разваливались – никотинчику. Кашляешь – ингаляцию сделай, покури. Бактерии все как есть сдохнут. Здоровый как бык будешь. То есть мы будем... – Сашка довольный сделанными выводами и концовкой околomedicalского доклада вновь потянулся к трубке.

– Э-э! – Вдруг одёрнул его Паша, – это как же так получается, в смысле – здоров как бык?!

– А так. Здоров – и всё! – Сашка гордо не сильно, но заметно выпятил грудь вперёд.

– Ни тебе, значит, поболеть по-людски, ни отдохнуть по-нормальному, когда все учатся? А когда карантин, то все больные и почти – они все по домам сидят, телик смотрят, отдыхают, а мы с тобой, два умника, два «здоровых быка», – ёрничал Паша, – учимся за всех, так что ли выходит?!

Этот вывод убил Сашку наповал. Сложная пирамида неоднозначных логических выводов, методично и скурпулёзно возведенная Сашкой до небес, была разрушена до основания одним бесцеремонным прикосновением пальца. Ему не верилось, что на такой топкий путь сейчас чуть они не встали, чуть не начали увязать в авантюре, которая могла бесповоротно затянуть в учебный процесс, и ни тебе шагу влево-вправо, ни свободы глотка... И только благодаря другу...

– Да ну его, пожалуй, это курево! И без него как-нибудь повзрослеем, – сказал он, вставая, – а Трубка Мира – она на то и есть, чтобы для всех... Слышь, Паш, мне кажется, обождет твой пылесос, пойдём лучше в футбол погоняем!

2012г.

СВЕТОФОР

Идёт Рябцев вдоль да по улице, рылом водит из стороны в сторону. Настроение весеннее-весеннее! Красота! И там и тут. И здесь и там... И бодрость во всём теле неприличная ощущается, и мысли Рябцеву лезут в голову всякие и даже нахальные иногда типа того, что две жены, может, не так чтобы и много, должно быть..., а в самый раз даже, особенно учитывая весеннее настроение. Тут, как специально, снова красота перед глазами процокала – справа да налево. Другая навстречу – топ-топ-топ, блеск! Еще одна чуть в стороне фланирует, но уже слева да направо. Чудо, а не время, эта весна, собака! – восхищается Рябцев. Шёл-шёл, башкой справа налево крутил, слева направо вертел, даже в башке немного того – кружение лёгкое образовалось от таких упражнений и в шее заодно хрустнуло. Оно немудрено, конечно, когда такое мельтешение на улице весенней творится... Шёл-шёл, короче, Рябцев, да и повернул без задней мысли. И потопал зачем-то направо и встал на переходе. И вместе со светофором с зелёного-весеннего-бодрого дисциплинированно переключился на тормозящий всякое движение (и как оказалось заодно и некоторые мысли) красный... И, глядя на светофор, Рябцев сдуру вспомнил зачем-то про зарплату... в этой же, видимо, связи почему-то подумал, что иногда и одной жены многовато будет...

Тьфу ты, дурацкий переход со светофором дурацким! – Возмутился про себя разом обоблившийся Рябцев. – Так хорошо всё было! Зачем направо свернул?! Все мысли нужные колом неправильно встали. В следующий раз точно пойду налево! – Твердо решил Рябцев и, не крутя более головой, быстро пошел к дому.

2014г.

В ТРЕНДЕ

Директор небольшой провинциальной трикотажной шараги, снабжавшей своей неоднозначной в плане качества и фасона продукцией не так чтобы уж очень удаленные местности, собрал у себя за небольшим столиком трёх человек из тех, что были «ближе к кормушке», как говорится. Своих то бишь собрал. Тут уж все почти, как есть, директора подобрались – ни больше ни меньше, в соответствии с устоявшимися ново-русскими традициями. Всем четверым в районе сорокета, ну может, кому – то малость поменьше. В общем, в полном расцвете сил товарищи, не старые совсем, с запалом ещё – энергии хоть отбавляй! – работай да работай на благо Родины! Ну вот, собрались, значит, все четверо в директорском кабинете, обстановочка непринужденная, – а чё там! – все свои! А Генеральный, Олег Юрьевич, здесь – для своих просто Олег закурил и говорит:

– Ну что, гуси-лебеди?! Как жить-то дальше будем, а?! – издалека так совсем берёт, внезапностью.

– Это... в концепции чего? – Игорь, Директор по развитию удивляется вопросу.

– Да в концепции всего! Особенно касательно производства. Тут не до мелочей!

– Дак... это... так и будем, как и было, течёт себе помаленьку...

– Что течёт?

– Ну это, как его, ...эт самое, процесс течёт себе, денежка капает...

– Оно понятно, конечно, что капает, а надо, – Олег взял актерскую паузу, – надо так, чтобы аж лилось..., – посмотрев в заулыбавшиеся лица соратников, добавил, – в хорошем смысле этого слова, ясное дело! Тут с умом надо!

– Что с умом?

– Да всё! – Олег почесал макушку.

– Вроде и так не дураки. Сложностей хватает – мы их того!... На плаву, говорю, кое-как держимся. – Игорь тоже почесал голову, но уже за ухом.

– О! То-то и оно, что кое-как! Тут надо ого-го!

– Дык – провинция, какое там «ого-го»?! – разведя руками в стороны, закинув ногу на ногу, с едва ощутимым вызовом Коммерческий – Артём голос держит, – труселями да майками нашими на новый «мерин» хрен заработаешь! – здесь либо профиль менять, либо, я уж не знаю, контрафакт гнать, лейблики разные доходные шлепать...

– Я пас! – быстро встрял Виктор.

– Ну-у, понёс! – прекращает бурное течение деловой мысли Коммерческого Олег, – это уголовщиной верной отдаёт... Контрафакт гнать – не то, что на новый «мерин» – и старого лишишься, точнее не лишишься, а на хрен тебе не нужен будет пару – тройку лет, Гражданин Коммерческий. Не-ет, так дело не пойдет, тут надо – чтобы «чисто и наверняка»!

– С этим лозунгом в нашем Килопердицинске, да с нашим ассортиментом, – подал голос Виктор (на нем было всё производство, он как никто знал все «от» и «до»), – получится стопудово как в общественном туалете: если «наверняка», то это, уж извиняйте, вряд ли «чисто» получится! Вот вам мой сказ!

Артём, ухмыльнулся:

– Да вы, батенька, – философ, как я посмотрю!

– Я – реалист! – серьёзно ответил Виктор.

– Да-а, Витюня, мало того, что ты – философ, как подметил товарищ, так ты ещё и пессимист! Ты нам так всё дело запорешь, всю энергию на корню своими ассоциациями вредоносными тушишь! – назидательным тоном сказал Генеральный и улыбнулся.

– Ага, вот так всегда, прёшь на себе, прёшь, а тебе вместо благодарности ещё и на башку «это самое» лить начинают! – наигранно «обиделся» Виктор.

– Да ладно, шучу я, шучу, – Олег закашлялся и швырнул не затушенную сигарету в сторону со словами «будь ты неладна!».

Вся троица заржала.

– О, Олежек уже курить бросил на наших глазах или разучился... С пьяночкой уже завязал – можешь крылья начинать отращивать, – съязвил Игорь.

– Ладно вам! Давайте к делу ближе!... Новые «Мерседесы» хотите?

После вопроса Олега в воздухе повисла несколько непривычная тишина.

– Ну?!... И чё?!

– Хаты новые, к Москве поближе, а?! – продолжал Олег.

– Ты чего нам тут, душу травить сегодня собрался? Повестка дня что ли сегодня такая издевательская?... Ну хотим! И чего с того?! Чё – всей толпой теперь валить в лабаз?! Коньячины берём – и на реку – кувшин с Хоттабычем по дну искать? Типа, День Здоровья счастьем и удаче не помеха, а даже наоборот?

Все заржали. Когда, развеселившаяся компания успокоилась, Олег продолжил:

«Ладно вам тут КВН разводить, давайте по-серьёзному побазарим!»

Тут несмешливый Виктор немного «оттаял» и говорит: «Не-е, Олег, что касается КВН-а, то ты, по-моему, сегодня в ударе просто, вне конкуренции».

– Это точно! – поддержали, замычав, остальные, катая дотлевающие сигаретины в пальцах. Густой сизый дым плотно заполнил компактный кабинет. Его концентрация была такая, что казалось, дым пытался от стеснения самого себя вылезти на свободу хотя бы даже и в замочную скважину. Скрипнуло кресло. Пепельница поехала по столу. Олег потёр слезящийся глаз: «Как в паровозной топке, ё-мое!... Короче, есть идея!...» – он обвёл всех взглядом и, будто стараясь не потерять, не упустить что-то нужное, какую-то жутко важную мысль, быстро выпалил: «Нано!». Стул, на котором качался Виктор, замер. Снова повисла странная пауза. Игорь с Артёмом удивленно переглянулись, после чего изумлённо уставились на Олега. Виктор, опустив передние ножки стула на пол, нервно заёрзал.

– Чего надо? – первым разорвав тишину, переспросил Игорь.

– «Нано», говорю, – повторил Олег.

– Чего надо-то, скажи, не тяни kota за хвост! ...И вообще, когда ты уже свой геморрой вылечишь? – развязно спросил Олега Артём. Детьми они учились в одной школе, и даже более того – в одном классе, аж с первого по восьмой. А потом так вышло, что лет в тридцать пять встретились случайно... ну и вся эта канитель с трикотажем.

...Игорь с Витьком тогда уже работали. Как-то прикипели все четверо друг к другу. Скорее всего, значит, – охота, рыбалочка, в кабак иногда..., всё такое-прочее... под настроение чисто...

– Да не геморрой, а гайморит! – вступился Игорь.

– Ну, гайморит, хрен с ним! Хрен – он редьки не слаще! Все равно не лечит он его, этот свой гайморит.

– А причем тут, собственно, гайморит? – поинтересовался Олег.

– А чего ты всё гнусавишь без конца? Осень – гнусавишь. Зимой – сам Бог велел! Сейчас – опять двадцать пять! Давно бы уже занялся, вылечил эту фигню. Да в баньку бы сходить не мешало бы, а, ребята, вы как... насчёт баньки-то?! – продолжал Артём, глядя на мужиков.

– Ничего я не гнусавлю! – начал сердиться Олег. – Когда? Где я гнусавил?

– А кто только что в нос мычал «нано», «нано», а что надо, так и не сказал!

– Ну, серость вы безлошадная, совсем что ли ящик не смотрите?! – А?! Я ж не «надо» сказал, а «нано»! Разницу чувствуете? – Олег вызывающе смотрел на всех троих.

– Вообще, не так чтобы очень, но ощущается малехо... и чего... «нано»? Что теперь с того? – ничего не понимая, тихо спросил Артём.

– Денег на этом можно рубить. ...Даже не можно, а нужно! Президент говорит что? А? Ну-у? – Олег протяжно-вопросительно замычал с легким налётом актерства, как свободный художник медленно, но верно подводя к развязке мутной интриги.

– Ну и что говорит Президент?

– А Президент говорит: «Модернизация, инновации, Сколково там пресловутое, технологии, понимаешь, всякие, нанотехнологии опять же, нанобананы, нанохлеб, наномыло...», а? тему секёте? – Все трое смотрели на Олега как ФБР на инопланетянина, когда тот им рассказывал как работает микроволновка. – Ну, в общем, – продолжал Олег, – есть куда творческому человеку мысль приткнуться, чтобы капусту рубать начать и в чемоданы укладывать.

– И чего нам проку с этого твоего «нано»?

– А то – проку, что «нанотрусы» делать надо! И всё, и нечего изобретать велосипеды с гидросилителем руля и стиральные доски с пневмоприводом! – Олег победоносно обвел взглядом друзей. Вся троица как по команде синхронно достала сигареты и нервно задыхалась.

– Какие еще... нанотрусы...? – тут Виктор закашлялся.

– А такие, которые брать будут как горячие пирожки!

– Одного названия «пирожок» мало, чтобы брали – надо, чтобы хоть жрать можно было... да что там жрать! – хоть по вкусу чтобы было похоже... да! и чтобы псиной от такого угощения не шибко пёрло...

– Ну ладно, раз на метафоры всякие и на ассоциации у вас мозги заточены как положено, значит и на ЭТО хватит. Тут суть какая...

Олег рассказывал взахлёб, эмоционально и объёмисто, пытаясь руками формировать из прозрачного и жутко податливого для работы воздуха прототип особо народного, где-то даже интимного товара.

– Итак, основная концепция: идея вкупе с названием плюс технологически новое решение – есть новый продукт, а ныне – трендом такая штука в Питере и в Москве обзывается. Не буду воду в ступе толочь... Вкратце: «нанотрусы» – суть есть абсолютно новый товар с идеологическим подтекстом. Тут ещё если под премьерскую программу «одобряек» подкатить... – делу зелёный свет. Вон, назвал реально деревянный аппарат «машиной» – и всё, и, типа, поехала! Пошло дело. Все берут. И дурак берёт, и умный. Премьер сказал: «Надо брать!» Одобрил: мол, плохую вещь по-другому бы назвали, нам правду скрывать от народа ни к чему! Мы правду с плеча рубить привыкли! Вот бы он ещё че-нить про нанотрусы такого плана брякнул – тут бы верняк попёрло!

– Ладно тебе шкуру неубитого медведя делить, ты к делу поближе, – прервал научно-фантастический план построения новой российской экономики 21 века Виктор.

– Да я ж вам что и толкую-то. Вот, такие вот новые «нанотрусы» и должны стать нашей курицей, несущей ЗОЛОТЫЕ, не побоюсь этого слова, ЯЙЦА. А какие они должны быть...

– Яйца? – быстро вставил Игорь, и все заржали.

– Да не яйца, остряк-самоучка, а продукция наша потенциальная, удивительно конкурентоспособная... она должна быть... э-э, сейчас попробую объяснить – путался в мыслях Олег. – Представьте, сделаны они из абсолютно новой идеологически одобренной «свыше» наноткани. Что это всё дает? А то, что при всей своей лёгкости, удобстве и прочности, в них не жарко летом, не холодно зимой, ветер и стужа не страшны, зной – тоже. Ничего, прошу прощения за небольшие интимные подробности, в них – драгоценных не преет и не мёрзнет! Ничего не давит, не стесняет и не вредит никакому полезному и необходимому органу. Только лишь один огромный плюс, да эстетика исполнения товара в придачу. А на упаковке бы ещё наклеить такую лайбочку: «ОДОБРЕНО ПРЕЗИДЕНТОМ!». И всё! Тут вам и «Мерседесы» новые и хаты богаты и всё такое прочее в дополнение... красивое и длинноногое.

– Я пас! – опять встрял Виктор, – у меня жена ревнующая насчёт «длинноногого и красивого».

– Да сиди ты уже со своей женой, тут дело такое, а он бабу свою вплетает!

Артём и Игорь смотрели на Олега с еле скрываемым восхищением. Хотя и «стойкий консерватизм» Виктора тоже уже основательно заваливался с подломленной ногой на один бок...

– Голова! – оценил Игорь.

– Да уж..., не отнять! Что есть – то есть! – вторил Игорю Артём.

Тут Виктор, вкрадчиво и осторожно, заходя с тыла, тихо спросил: «А где будем нановолотно, нанонить, наноткань брать?»

– Ну, брат, ты даёшь! В конце концов, я тебе идею кидаю, а ты с меня уже... уже как в родном банке: не успел кредит под развитие взять – уже, будьте любезны, – проценты на бочку! Думайте, что откуда брать надо! Покумекать неплохо бы, нужного человечка в Сколково отыскать, может быть, придётся... прикормить его... Тут главное – идея есть! Кое-какие деньжата на второй старт выделим. В конце концов Тараса «раскулачим».

В сауне идея инновационных внедрений в технологический процесс трикотажной шараги к двум часам ночи под несколько бутылочек коньячку приобрела набросок бизнес-плана. А последнюю стопку из последней четвертой бутылки за «нано-внедрения» все пили стоя. Олег тоже встал и даже за компанию употребил свою «одну-единственную», как говорится, за успех! Разошлись все около трех, заряженные новой мыслью, с новым взглядом на, казалось бы, старые привычные вещи.

В эту ночь Артёму снился совершенно новый, прямо из салона «НаноМерседес», покрытый несоскребаемой нанокраской, обутый в новые наноколеса. Виктору снился нанокатер, который почти летел... Не плыл, а именно летел, покрытый специальным супер-пупер-гиперскользящим нанопокрывом. Катер был оснащен мощным гибридным керамо-плазменным нанодвижком. Игорю снилась новая наноквартира в Москве, оклеенная вечными нанообоями, устеленная неубиваемыми нанополами, обставленная абсолютно фантастической бытовой, естественно, нанотехникой...

И только (тоже кстати крепко уснувшему) трезвому Олегу снились... «НАНОТРУСЫ». Да-да, те самые нанотрусы... Он стоял под ярким солнцем в окружении таких же, как и он счастливых обладателей этого совершенного наимоднейшего нижепоясного прикида и трепетно держал в руках свою продукцию – здоровенную такую стопку! И на каждом изделии была ТА САМАЯ нужная надпись: «ОДОБРЕНО ПРЕЗИДЕНТОМ»... И Президент был неподалёку. Вдруг он свистнул в свисток и все как по команде стали снимать свои старые, постылые, не модные трусы, брезгливо бросая их от себя в сторону – и, беря из коробок, стоявших на земле и из стопки, которую держал Олег новые нанотрусы, ловко одевали их взамен прежних... И улыбались... И радовались... Никто никого не стеснялся. И никому не было стыдно. И ничего тут удивительного нет! Потому, что ничего нет постыдного в стремлении человека к инновации, модернизации, нанотехнологиям и совершенству в принципе!

2010г.

ОБРАЩЕНИЕ К ПИСАТЕЛЮ

Я, товарищи, хоть и читатель со стажем, хоть и читаю уверенно ночью, при свете фонаря, при свете луны, при качке и мало ли ещё как, всякого, извиняюсь, почитавший, в мистику стараюсь не верить. Но иногда, прямо-таки теряюсь. Вот, взять, к примеру, писателя..., ну там, стихоплёта или прозу шурующего. Это ж откуда, простите, из человека всё это богатство и разнообразие мысли лезет?! Да ещё иногда и в таком объёме... Загадка и всё тут. Мистика чистой воды. Мозги рукой управляют, рука ручкой, та бумагу шкрябает. Тут всё понятно, тут вопросов нет. А в голове-то, в голове откуда всё берется, вот вопрос так вопрос! Ну вот, предположить, что, к примеру, из космоса или ещё откуда это проникает в самое туда, в голову то есть. А череп тогда как же, туда-то как? Его не каждая пуля, бывало, берёт, череп этот, а тут мысль аморфная... Получается, дырка, по идее, где-то должна быть, чтобы информация без препятствий лезла и прямо по назначению. А дырки мало того, что нет, так ещё и с дыркой этой самой человек не то, что писать, жрать самостоятельно не может.

Через ухо? Теоретически возможно. Нашептывает если кто-то. Опять же вопрос, тот, кто нашёптывает, откуда это всё взял? У меня вот так выходит, что кроме лёгкой и ненавязчивой, зато постоянной ереси жены и исключительного бреда соседа туда, в ухо уже ничего не сумеет просочиться даже при огромном желании, места, диаметра то есть уха не хватает. Да и путь чересчур кривой, половина информации затеряется по любому. Поэтому, когда сам писать пробовал – дрянь выходит. Либо на ересь жены смахивает, только в стихах, причём третьесортных, либо бред соседа в чистом виде после триумфального возвращения из вытрезвителя, но уже в виде малой, совсем такой малюсенькой, ничем не примечательной прозы. Да такой, что сам прочитать написанное не могу – силы воли не хватает.

По закону по одному проверенному ведь как выходит, если тут, к примеру, убыло, то там где-то прибыло, и наоборот. Короче, если из башки убыло – на бумагу – шлёп-с, прибыло. И по всей логике, в башку прибыть это в том или ином виде, хочешь-не хочешь, а должно было. Каким методом, хрен его знает, а должно, в соответствии с запротоколированным природно-физическим явлением.

Остается, товарищи, одно: рот. И ведь, действительно, ведь это как по факту, возьми этого и того. Один буквы на бумагу укладывает – и второй не отстаёт, такие же ляпает. Тот закорючки-запятыя лепит где ни попадя – и этот, значит, туда же, знай себе, наворачивает; вопросы ставит, восклицательные знаки, хуже того – кавычки вплетает. А результат?! Результат, спрашиваю, какой? Одного товарища читаешь – как воду с листа пьёшь или десерт кушаешь, сладко на душе, приятно даже донельзя делается. А другого пытаешься употребить – ощущение, словно, извиняюсь, дерьма нажрался. Будто съел автор от невнимательности чего-то такого несвежего – и понесло его, бедолагу, понесло прямиком на бумагу. Кушайте, мол, на здоровье! Ну, он-то ладно, сожрал не того, бывает. Оно, конечно, жалко человека, а я-то причём, с другой стороны? Я-то за что мучиться обязан? Просто что ли за компанию? Он тогда из себя выжимал-маялся, я сейчас, в смысле просто маюсь, не знаю, сдать на попятную, отступить или пойти на принцип, до упора. Дочитать то есть. Нет уж, увольте-с! У меня, может, от дерьма, тем паче, от чужого изжога происходит, ешь потом таблетки желудочно-успокоительные.

Так что, товарищи писатели всех мастей, кушайте, пожалуйста, плотненько и сытненько, только вкусное и наисвежайшее, только красивое и аппетитное, а то страсть как свеженькое да интересненькое почитать охота!

2013г.

БУНКЕР

В бункере было глухо как в танке. Лишь где-то совсем вдалеке почти параллельного шумоизолированного пространства еле слышно добрым шмелём гудел дизель-генератор. Приятным фоном звучала ненавязчивая и неторопливая классическая композиция. Сырости не ощущалось. Свет горел ярко и даже не моргал. Чуть пыльные золотые бра и развесистая хрустальная люстра по центру чётко и ровно освещали блестящую намарафеченную венецианку стен, золотые завитки сложно высеченных мраморных колонн, замысловатый естественный рисунок из разноцветных прожилок природного камня половых плит и благородный массив основательной мебели, расставленной в довольно просторной зале. Установка регенерации воздуха работала в штатном режиме. А ставшая для многих уже привычной система «Умный дом» ровным голубоватым свечением встроенного в стену небольшого дисплея убаюкивала бдительность информацией о том, что все заданные настройки поддерживаются, герметичность шлюзов сохраняется, угрозы жизнедеятельности для пользователя нет и запуск элементов второго дублирующего контура не требуется. Но, несмотря на это, собравшиеся дышали учащённо, а некоторые вели себя заметно нервно, хотя и были здесь в полной безопасности. Банкир Гринштейн, откинувшись, беспокойно ёрзал в просторном кресле, подсчитывая количество хрустальных висюлек на люстре, словно боясь потерять профессиональный навык счетовода. Банкир Призман любовно наглаживал крышку большого концертного рояля и что-то тихо шептал ему, будто оговаривая с ним на всякий случай брачный контракт, в предчувствии долгосрочных незыблемых отношений. Как на подающего надежды вундеркинда, на него, не отрываясь, с завистью в глазах смотрел получивший на сегодняшней закрытой встрече знатный раздрай, осунувшийся лицом без пяти минут опальный президент корпорации «РосНефтеСинтез» Брагин, полезший согласно изречению Первого «поперёк батьки в пекло». Олигарх Клёцкин, перемещавшийся от одного полотна из запасников Третьяковки к другому, притормозил у пейзажа с изящно изогнутой рекой, в зоне бесстыдно оголившейся песчаной косы и нахально цветущими кустами на первом плане и начал самозабвенно колупать холёным когтем словно прилипший к углу картины здоровый валун на краю сбегающей к реке тропинки.

Первое лицо и Второе, Президент Конев и Премьер Скакунов, соответственно, были неразлучны как всегда. Они сидели с краю, за большим овальным столом, смотрели в ноутбук, негромко комментируя увиденное на экране, и делали пометки на чистых листках, выдернутых из толстой распечатанной только что пачки. Их вытянутые как у братьев-близнецов лошадиные лица выражали крайнюю озабоченность произошедшими событиями. Двенадцать банкиров, которые всегда предпочитали играть по утвержденным «свыше» правилам и поэтому твердо стоявшие на ногах сегодня с мрачными минами заняли противоположную сторону стола, перекидываясь короткими сухими репликами. Две женщины, Министр Здравоохранения и Министр Образования сидели в удалении от всех на диване, обтянутом золотой тканью с резными ногами в форме чешуйчатых лап дракона. Заплаканное змеиное личико Министра Здравоохранения Бадовой было запрятано в прижатые к голове руки и негромко всхлипывало. Примостившаяся рядом, почти приклеившаяся Министр Образования Егэндырова, не шелохнувшись, сквозь стёкла очков подобно гиперболоиду инженера Гарина прямолинейно и упрямо сверлила глазами выбранную точку на стене похороненного под землей бетонного бункера. Её лицо было лишено мимики и не выражало в данный момент ничего, кроме состояния полной потерянности во времени и пространстве.

Вообще, само сегодняшнее заседание изначально казалось странным, как по структуре и контингенту, так и по повестке. Но никто даже не мог и подумать, что оно будет прервано так быстро и ТАКИМ ОБРАЗОМ. И то, что сейчас в бункере находилось всего около двадцати человек, по сути, было не только стечением обстоятельств, но и элементом везения.

Естественно, априори, везение это не распространялось на Первого и Второго, – им всё положено по статусу, в том числе и жизнь, а этим... остальным... Эти просто успели.

– Ну что ж, господа, – растягивая фразу, но между тем уверенно обратился к присутствующим Конев, не отрывая взгляд от ноутбука, – дела наши, прямо скажем, далеки от идеального течения процесса и даже, при всём желании, сейчас нельзя сделать никаких прогнозов ни в плане сроков нашего пребывания здесь, ни в плане оценки уровня кризисности сложившейся ситуации. Глобальный кризис, имевший место быть вплоть до сегодняшней точки кипения, или, я даже бы сказал, новой точки отсчёта: куда, вперед или назад пойдёт отсчёт отныне – покажет время. Но первый кризис, перспективный, если так можно его охарактеризовать, и неоспоримый, к сожалению, действительно имеет место быть! И он, пожалуй, будет страшнее прежнего, – не слезая со своего любимого конька словоблудия, подготавливал «поле для пашни» Первый. – Итак, конфронтация достигла своего апогея и кипение под затянутой наглухо крышкой, как и следовало этого ожидать, вполне логично привело к необратимому, но ожидаемому многими процессу и, как следствие, – взрыву. Взрыву, который смёл привычные вековые границы, выгладил до неузнаваемости территории, смешал прогресс с пылью и, может быть, остановил время...

При этих словах бункер будто немного подпрыгнул, дёрнулся и едва заметно поехал в сторону, отчего закачалась люстра и хрюкнул в глубине примыкающего к зале подсвеченного, убегающего куда-то вдаль сводчатого коридора дизель-генератор. Все замерли. Включив самообладание, Конев продолжал:

– Могло ли быть иначе? Вряд ли. И то, что многие жили верой, что всё переменится, всё вернется на свои места, ни коим образом не могло повлиять на общий ход событий. Да. Это был всего лишь самообман, самовнушение, называйте это как хотите! И если раньше эти процессы затрагивали нас косвенно, постольку поскольку, повышая или понижая планку дохода, то теперь обстоятельства коснулись нас напрямую. Без экивоков и лишних сантиментов. – Конев прервался, снова пристально посмотрел на экран, вздохнул и добавил, – так вот, вынужден поставить вас всех перед фактом: мир не просто изменился. Его нет. **МЫ ПОТЕРЯЛИ ВСЁ. ВСЁ!!!** – Последняя фраза была торжественно выделена трагической интонацией.

Все замерли вновь. Стало так тихо, что со стороны могло показаться, что собравшиеся не на жизнь, а на смерть играют в игру «Море волнуется раз...» и вовсе не взрыв, а страшная фраза остановила время. Кресло банкира Гринштейна затихло, палец любителя изящных искусств и по совместительству олигарха Клёцкина перестал остервенело драть холст в районе булыжника у сбегавшей вниз тропы. Змеиное личико Министра Здравоохранения Бадовой перестало хлюпать и сильно вдавилось в прилежавшие руки, да так, что, казалось, дыхательный процесс вот-вот остановится.

Предположив, что ситуация, доведенная до неуправляемой истерии, может выйти из-под контроля, проницательный, довольно молодой и жутко продвинутый в плане знакомства с современными устройствами и гаджетами Скаунов встал, уверенным шагом подошёл к жидкокристаллической панели «Умного дома» и начал тыкать в активный экран пальцем. Бегло рассмотрев вылезшую из глубин матрицы на экран карту инфраструктуры бункера, Скаунов приступил к детальному изучению кнопок управления основными агрегатами и элементами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.